Томский по пути к единству

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕК95
Т718

М. ТОМСКИЙ

EK95
T918

ПО ПУТИ К ЕДИНСТВУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВЦСПС МОСКВА 1925

М. ТОМСКИЙ

ЕК 95
Т 718

ПО ПУТИ К ЕДИНСТВУ

Предисловие А. Андреева

Издательство ВЦСПС Москва
1925 г.

1 экз

EK95
T 718

ИНСТИТУТ В. И. ЛЕНИНА
№ (RAQ)
БИБЛИОТЕКА
(45) 4734 с.1
10593355

Главлит № 40.940. Тираж 15.000.

Тип. РИО ВЦСПС, Москва, пл. им. т. Ногина, 4-й д. Союзов.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Война 1914—1919 г. г. окончилась, и наиболее потерпевшим в этой войне оказался рабочий класс всех участвовавших в войне капиталистических стран. Эти потери рабочие понесли, в первую очередь, в части своих международных связей. Правда, и накануне войны эти связи были не весьма прочны, но и их рабочие всех стран потеряли тотчас же, благодаря бесстыдной измене и предательству своих руководителей, ставших с самого начала войны в лагерь своей буржуазии. Насколько легко было попрано международное единство рабочего класса, насколько легко были разорваны связи между рабочими различных стран, настолько тяжело и трудно восстанавливать их теперь.

Чем об'ясняется такая трудность в деле создания международного единства рабочего класса? Эта трудность и медленность об'ясняется, прежде всего, тем, что борьба рабочих масс с капитализмом после войны оказалась не на одинаковых стадиях развития в различных странах. В то время как после войны борьба рабочих в нашей стране увенчалась победой сначала над царизмом, а потом и над капиталистами, и находится на переходе от капитализма к социализму, борьба рабочих во всех крупнейших капиталистических странах далеко еще не вошла в полосу открытой революционной схватки

со своим классовым врагом—капиталом. Там за рубежем нашего Советского союза рабочие массы все еще бьются за повседневные свои экономические интересы, там еще командует всевластный капитал. Нынешние вожди Западно-Европейского и Американского профессионального движения не только всеми силами стремятся удержать рабочее движение на старых позициях, но тянут его назад, подальше от открытой революционной борьбы. Реформисты всех рангов всячески пытаются уберечь рабочее профессиональное движение от большевистской революционной заразы, исходящей от наших профсоюзов. Вот чем об'ясняется трудность установления международного единства рабочих, вот где причина блокады со стороны Амстердама по отношению к профсоюзам нашей страны.

Но как бы ни были в настоящий момент различны формы классовой борьбы рабочих различных стран, воссоздание действительного единства становится все более необходимым, ибо разница в формах борьбы вовсе не означает разницы в классовых интересах, ибо опасность об'единенного наступления капитала против рабочих увеличивается и в то же время усиливается с каждым днем и опасность новой мировой войны, новых расправ. Ныне это выливается в Марокко, Китае, а завтра это может выявиться в попытках интервенции против страны, где господствуют Советы.

Международное профессиональное движение оказалось разделенным на два лагеря, на два Интернационала: Амстердамский, стоящий на позиции реформизма в профдвижении и фактически антиреволюционный, и Профинтерн, вобравший в себя революционное крыло мирового профдвижения, во-

главе с союзами Советских республик. Но соответствует ли данное политическое положение задаче концентрации сил и единства рабочего класса? Ни в коем случае, ибо существование двух Интернационалов, наличие двух лагерей международного профдвижения противоречит идее единства, классовой потребности и интересам пролетариата. Вот почему нужно было и должно найти все подходы, все пути установления полного единства.

Прошел ряд лет решительной и трудной работы профсоюзов СССР в борьбе за установление единства профсоюзов, которую мы вели наряду с труднейшей внутренней работой, и нам кажется теперь, что несмотря на отчаянные сопротивления со стороны реформистов, руководителей Амстердама, делу единства—плоды есть, работа не прошла даром, дело действительного единства приближается, его подталкивает рост сознания рабочего класса всех стран в этом направлении. Лозунг единства профдвижения становится самым популярным лозунгом в рабочей среде всюду, где только есть рабочие и профсоюзы. За проведение этого лозунга становится такое могучее движение, как английские профсоюзы, которые пошли на соглашение с нашими профсоюзами в деле борьбы за единство. В самом Амстердаме нет уже того единодушия — враждебности, с которой он раньше встречал всякие наши предложения, там оформляется левое крыло, идущее на единство. Образование Англо-Советского Совещательного Комитета, наряду с проявлением враждебности и перепуга в лагере врагов единства, вызвало, как мы знаем, громаднейшие симпатии не только широчайших масс, но и союзов целых стран, как Норвегия и др.

Вот основные факты итогов движения и борьбы за единство, которые говорят только об одном, что дело сплочения мирового профдвижения двинуто серьезно вперед.

Конечно, было бы ошибкой думать и представлять себе, что мы уже добились единства; нет, этого необходимого единства, к сожалению нашему и удовольствию наших врагов, все еще нет, но сделан огромный шаг в этом направлении.

Дело образования действительного единства будет встречать еще тысячу сопротивлений со стороны нынешних заправил и руководителей Амстердама. Вот почему работы в этом направлении еще много. К нам все еще пытаются подходить, как к стране побежденной, с пред'явлением предварительных условий. Рабочих Советского союза, победивших царя, выгнавших капиталистов и помещиков, все еще рассматривают, как побежденных. Мы ясно должны себе представлять, что борьба ведется не просто против наших профсоюзов, как таковых, а против того освежающего, революционного, что могли бы внести наши и революционные союзы других стран в затхлое болото нынешнего, по существу реформистского, профдвижения. Идет борьба за то, чтобы не потерять монополии на руководство движением. В этом суть.

Нас некоторые вожди Амстердама расценивают иногда, как сторону слабую, не могущую повлиять на укрепление единого Интернационала профсоюзов. Но существует поговорка, которая тут верна, как никогда: сильный не боится слабого. А если дело обстоит так, что „сильный" Амстердам боится разговаривать со „слабыми" нашими союзами, значит дело у них неладно.

Несмотря на огромную работу, проделанную нашими союзами в деле борьбы за единство, у нас не было в профессиональной литературе таких документов, которые бы каждому рядовому члену союза давали полное представление в этом направлении.

Настоящая книга, где собраны руководящие выступления т. Томского, как нельзя лучше дает ясное представление о пройденных этапах и нынешних задачах в борьбе за единство. Как бы не хотелось руководящим кругам Амстердама не считаться с ролью нашего профдвижения в деле создания международного единства, этой все более увеличивающейся роли не преуменьшить,—наше профдвижение входит и все больше будет входить в международную семью рабочего класса, как ее полноправный член. Отсюда и все более растущая потребность работников и рядовых членов наших профсоюзов в материале для знакомства с сутью повседневной борьбы, успехов и препятствий в деле создания единства. Большим вкладом для такого ознакомления и воспитания на почве международных задач является выходящая книжка речей т. Томского, посвященных этому вопросу.

А. Андреев.

Первый шаг.

Речи представителей Генерального Совета британских тред-юнионов и выступление М. П. Томского на обеде, данном Советом в честь рабочей части русской делегации по переговорам с Великобританским правительством, в Лондоне 14 мая 1924 г.

Альберт Перселль приветствует профессионалистов — членов советской делегации — и отмечает, что наилучшим выражением того чувства классовой солидарности, какую английские профессиональные союзы питают по отношению к русскому рабочему классу, было в свое время образование Совета Действия, целью которого являлось оказание решительного сопротивления всякого рода интервенции против Советской России. Перселль считает необходимым пожать руку тов. Томского от имени английских рабочих и пожелать советской делегации всяческого успеха. Собравшиеся здесь вожди профессиональных союзов хотели бы заслушать от товарищей и друзей исчерпывающую информацию, из первоисточников, о положении рабочего класса в России, ибо они всегда рады видеть успехи русских рабочих и готовы употребить всю свою энергию на защиту их достижений. Русский пролетариат занят строительством своего рабочего государства. Вот почему мы приветствуем плодотворные результаты его работы, и какую бы помощь он ни пожелал получить с нашей стороны, каждый член Генерального Совета готов будет оказать ее в соответствии с условиями момента и наличными возможностями Британский народ желает установления определенного, длительного соглашения между Советской Россией и Англией. Мы хотим наладить эти отношения так, чтобы обе стороны могли снабжать друг друга всеми необходимыми им товарами. Многие из членов Совета оказали неоценимые услуги в деле защиты интересов Советской России в Англии. Все они, независимо от своих политических позиций, находят, что разре-

шение спорных вопросов крайне необходимо. Все они являются сторонниками того, чтобы рабочий класс сам был хозяином своей судьбы и освободил себя от капитализма.

Перселль затем представил русским делегатам всех присутствующих членов Генерального Совета:

Бен Тиллет — известный вождь стачки докеров 1889 года, преданнейший работник профессионального движения.

Боуэн — представитель почтово-телеграфных служащих.

Кин — представитель рабочих по обработке золота и серебра, но не бриллиантов, ибо таковых у нас нет.

Бен Тернер, которого вы хорошо знаете по его посещению Советской России в 1920 году, — представитель рабочих шерстообрабатывающей промышленности.

Свэйлс — представитель работников механической промышленности.

Болтон — представитель совета тред-юнионов.

Оукер — представитель сельско-хозяйственных рабочих.

Ситрин — помощник секретаря Генерального Совета.

Джон Бромли — вождь паровозных машинистов и кочегаров.

Диксон — член парламента, человек со всеми почестями, которые принадлежат этому званию, а также журналист.

Джон Тернер — представитель наиболее дорого обходящейся нам профессии — приказчиков и продавцов.

Фред Брамли — секретарь Генерального Совета.

Финдлей — секретарь союза модельщиков.

Паултон — представитель рабочих, занятых производством тех предметов, которые, повидимому, и вам будут нужны, а именно, обуви.

Мисс Валли и Джон Берд — представители неквалифицированных рабочих.

Коттон — представитель матросов и пароходных кочегаров.

Пью — представитель железоделательных и сталелитейных профессий, что вам напомнит об Урале, Донецком бассейне и т. д.

Разрешите от имени всех сердечно приветствовать вас. Я уверен, что я говорю то, что они все чувствуют, ибо наша и ваша борьба за наше освобождение есть та же борьба за освобождение одного и того же класса.

Томский*)— Товарищи! Мы, русские делегаты, весьма счастливы быть на настоящем собрании и передать приветствия русских рабочих представителям организованных рабочих Великобритании. От имени нашей делегации я благодарю тов. Перселля за теплый и сердечный привет, который, по нашему мнению, относился не к членам делегации лично, а к представленными в их лице рабочим Советской России.

Данная встреча показала, что русский рабочий завоевал симпатии рабочих каждой страны, и я счастлив приветствовать в лице присутствующих здесь тех, кто является для русских рабочих первыми учителями строительства профессионального движения, организации рабочего класса. 20 лет тому назад, когда мы начали организовывать рабочее движение в России, у нас не было прецедентов, которые можно было бы использовать в качестве уроков, и наши первые шаги в области организации профессиональных союзов фактически основывались на практике британского профессионального движения; именно, в этой практике мы искали уроков. На заседаниях правлений различных союзов России нередко можно было слышать замечания какого-либо из членов правлений: «в таком-то году в Амальгамированном Обществе Механиков или в каком-либо другом союзе имелся для этого решения такой-то прецедент». Легко строить фабрику после того, как все предварительные опыты проделаны, а в создании российского профессионального движения мы руководились практикой Великобритании, Германии и других стран и пытались учиться на опыте движения каждой страны. В строении российских и британских профессиональных союзов имеются некоторые отличия, но, тем не менее, основные принципы рабочих экономических организаций одни и те же. В отдельных случаях время-от-времени устанавливаются переходящие различия, являющиеся результатом разнообразия политической и экономической жизни данной страны, но каковы бы ни

---

*) Данная речь стенографически не записывалась, а потому является неполной. Она восстановлена лишь по записям переводчиков.

были эти переменные, временные, политические особенности, основная движущая сила, сплачивающая рабочий класс в стальные, неразрушимые колонны, в каждой стране, является одной и той же. Основными движущими силами являются, прежде всего, — неизбежная борьба между рабочим классом и классом капиталистов, та борьба, которая является одной и той же в каждой стране, и, во-вторых, вытекающая отсюда неизбежная потребность самоорганизации рабочего класса для освобождения от капитализма. Процесс организации борьбы за низвержение капитализма различен в каждой стране, но цель борьбы и организации одна... В этих основных вопросах русские делегаты чувствуют свое единство со всеми здесь присутствующими.

Я не собираюсь детально останавливаться на экономическом положении русских рабочих. По этому вопросу в настоящее время печатаются статьи в «Дейли Геральд». Мне хотелось бы только подчеркнуть, что русские рабочие, которых некоторые из членов Генерального Совета видели в 1920 году босыми, полуголыми, но с самопожертвованием поддерживающими свои фабрики, находившиеся в то время накануне краха, посылавшими из своей среды отряды из лучших товарищей на фронт для защиты республики, — что эти рабочие в отношении героизма, самопожертвования и интернационализма не изменились. В то время в обстановке неимоверных лишений и страданий русский рабочий класс посылал свои горячие братские и сердечные приветствия рабочим вашей страны. Теперь, когда экономическое возрождение нашей страны подвинулось значительно вперед и, вопреки многим затруднениям (а нам многому надо поучиться и мы готовы поучиться), мы участвуем в управлении рабочим государством, победившим всех врагов, мы опять посылаем рабочим всех стран и, в первую очередь, британским рабочим, наше сердечное приветствие. В течение истекших лет было не мало моментов, когда русский рабочий класс был весьма одинок, когда наши рабочие чувствовали, что они отрезаны от всего мира. Сегодня русский рабочий класс передает свой искренний и сердечный привет тем, кто в периоды наступлений мирового капитала, без колебаний и без страха, поднимали свой голос в защиту рабочего класса России, — и особенно тем, кто участвовал в работе комитета «Руки прочь от России».

К сожалению, наш первый визит Великобритании наносится нами в непривычной для нас форме. Мы бы с гораздо большим удовольствием приехали к британским рабочим и их вождям, стоящим во главе британского тред-юнионизма, в качестве представителей непосредственно профессиональных организаций русских рабочих. Но исторические события таковы, что нам это удовольствие в настоящий момент недоступно. Мы прибыли сюда в качестве пролетарских дипломатов.

Это весьма характерно для нынешнего века. До сих пор роль дипломатов всегда выполнялась представителями привилегированных классов, сперва: рыцарями, кардиналами, дворянами, а впоследствии — банкирами, промышленниками и капиталистами. Теперь же, в XX столетии, мы впервые видим в этой роли представителей рабочего класса, и если так обстоит дело полностью только в Советской России, то и в каждой другой стране общественное развитие неизбежно ведет к этому же. В настоящее время в Великобритании рабочие, правда, лишь отчасти, но, тем не менее, у власти. Поэтому, в виду доминирующей роли, которую рабочий класс начинает играть в судьбах этой страны, я и предлагаю дать общий абрис задач, стоящих перед русскими делегатами, как рабочими дипломатами. Я изложу наши взгляды на происходящую англо-русскую конференцию, а также и на то, чего мы ждем от нее.

Во время конференции газеты много раз поднимали вопрос о полномочиях и авторитете нашей делегации. Часто высказывались утверждения, что делегаты недостаточно авторитетны и недостаточно полномочны. Конечно, если рассматривать делегацию под углом зрения юристов и банкиров, то делегация весьма мало представительна, но если вы вспомните, что в России, — Бен Тернер и Перселль подтвердят вам это, — почетнейшее звание, какое только существует, это — звание рабочего, то необходимо признать, что советская делегация весьма авторитетна, представительна и весьма полномочна.

Для подтверждения этого позвольте вам представить членов советской делегации-профессионалистов, присутствующих на обеде.

Кутузов — председатель союза текстильщиков, в четвертый раз избран членом президиума ЦИК СССР.

Шверник — член ЦК союза металлистов, народный комиссар РКИ РСФСР.

Радченко — член ЦК горнорабочих, член ЦИК СССР и председатель Донецкого Совета профессиональных союзов.

Житков — член ЦК железнодорожников и представитель Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов в Сибири.

И, наконец, наш дипломатический атташе и пролетарский профессор, тов. Яроцкий, и тов. Ротштейн — переводчики.

С нашей точки зрения и с точки зрения британских тред-юнионистов не важно, сбрасывали ли предки товарищей, которых я только что представил, кого-либо на турнирах из седла, зато их предки наверняка не принимали участия в торговле рабами, не покупали и не продавали колоний. Да и вообще вопрос о «предках» нас с вами мало интересует. Мы их не знаем и это нас не огорчает. Зато мы с вами знаем, я в этом убежден, что каждый присутствующий здесь уверен, что их дети и дети их детей будут завтра держать в своих руках весь мир и будут править всем миром не в интересах корыстной кучки, а в интересах всего человечества. Исходя из этой предпосылки, я совершенно убежден, что наша делегация является достаточно представительной и компетентной для ведения переговоров о будущих экономических отношениях и сотрудничестве между Советским государством и одной из крупнейших стран мира—Великобританией.

Переходя к практическим задачам конференции, я хотел бы об'яснить, по возможности кратко, чего мы хотим и чего не хотим.

Прежде всего, все кривотолки буржуазной печати как подкупленной, так и не подкупленной, если такая есть, относительно нашего желания установить дружеские отношения с Великобританией исключительно для того, чтобы получить заем, являются обычными буржуазными, бессмысленными, фантастическими измышлениями. Русские рабочие хотят установить дружеские отношения с Великобританией, как залог мира. Основная ошибка буржуазной печати заключается в том, что она не понимает основных соображений, побудивших нас приехать в вашу страну. Печать представляет себе, что на шею Советского Союза наброшена какая-то мертвая петля, какое-то невыносимое бремя, которое может

быть облегчено лишь острым ножем кредита. Буржуазная печать толковала факт прибытия советской делегации в эту страну, как попытку получить здесь кредиты во что бы то ни стало. Это толкование совершенно не верно и крайне не соответствует фактическому положению вещей.

С 1918 года, вопреки гражданской войне, вопреки блокадам и интервенции, вопреки контр-революционным восстаниям, мы пережили все, победили все, и экономически, и политически значительно выросли — настолько значительно, что лишь безумец может теперь мечтать об интервенции или об организации контр-революционного восстания в России. При таких условиях, когда мы развиваемся и крепнем, бессмысленно полагать, что все то, что нам нужно, ради чего мы сюда прибыли, сводится к кредиту, и что этот кредит является первой и основной необходимостью для нашего существования. Я признаю, что кредиты помогут нам в развитии экономического строительства, помогут нам продвигаться вперед в 5—10 раз быстрее, чем в настоящее время. Я признаю, что нам было бы весьма выгодно получить этот кредит, но, считаю, что и другой стороне было бы выгодно дать нам кредит. (Аплодисменты). Это было бы также выгодно для всей мировой экономики. В течение 5 лет мы обходились без кредитов. И даже, если бы мы не получили никаких кредитов и теперь, мы вполне уверены, что наше экономическое положение будет в недалеком будущем лучше, чем оно было даже до войны. Основной мотив, побуждающий нас завязать переговоры, а русских рабочих — послать нас, это было желание обеспечить за собой право жить в мире со всем миром и продолжать внутреннее строительство без какого бы то ни было внешнего вмешательства. В виду того, что центральное положение в мировой политике принадлежит Великобритании, ибо она держит камертон мировой политики в своих руках, мы должны были искать ключ к гарантии мира именно в Великобритании, считая установление мирных отношений с Великобританией предварительным условием установления мирных отношений со всякой другой страной.

Мы приехали сюда не за деньгами, а за гарантией от интервенции и блокады, в каких бы формах они ни проявлялись, открытой или скрытой. Мы не ожидаем, что интервенция против нас будет предпринята прямо Велико-

британией, но бок-о-бок с нами находится ряд лимитрофов [1]), которые, фактически находясь в полной экономической зависимости от Великобритании и Франции, действуют в роли наемников, которых держат, как угрозу, против Советской России со стороны Западной Европы. Именно деятели этих лимитрофов в состоянии задержать развитие России, хотя их интервенция не могла бы уничтожить то, что было создано в течение последних лет, но задержать наше развитие они в состоянии. Таков точный смысл нашего приезда. Мы прибыли сюда для того, чтобы установить деловые отношения.

На настоящем собрании тред-юнионистов, — потому что тред-юнионисты являются наиболее практичными и здравомыслящими людьми в мире, — мы можем сказать откровенно, что основой дружеских отношений должно быть взаимное покрытие счетов в качестве предварительной меры для сколько-нибудь разумного разрешения вопроса.

Хотя мы не можем говорить об интервенции в цифрах, мы, тем не менее, знаем, что гремели пушки, взрывались мосты, разрушались фабрики и уничтожались нефтяные вышки. А мы с вами знаем, что сто обученных, талантливых инженеров и тысяча рабочих не в состоянии выстроить в год то, что один тупой артиллерийский офицер и три солдата могут уничтожить в один час. (Аплодисменты). Мы понесли потери, подробного счета по которым мы не можем представить. Мы считаем, наконец, что эксплоатируемый рабочий любой страны имеет право, когда он срывает с себя цепи, экспроприировать тех, кто раньше угнетал его, и взять в пользу всего народа то, что создано его рабочей рукой. Но против этой точки зрения британское правительство выдвигает совершенно иную точку зрения — «священного права собственности». Мы ясно представляем себе этот конфликт исходных точек зрения и всю трудность их примирения.

Русские, естественно, предпочли бы начать новые экономические отношения с чистой страницы. Мы предпочли бы взаимное аннулирование долгов, но мы знаем, что даже при условии, что финансовый и моральный баланс на нашей сто-

---

[1]) Так называются „самостоятельные" государства, ранее входившие в состав Российской империи, созданные на границах, „опасных" с точки зрения капиталистических стран согласия (Антанты, т. е. Англии, Соединенных Штатов, Франции и т. д.), в качестве препятствия, буфера. Лимитрофы, о которых речь идет здесь, это—Литва, Эстония и др.

роне, сила на стороне Великобритании, и британский капитализм, как и всякий иной, чувствуя на своей стороне силу,—никогда не допустит благоприятного баланса на противной стороне. Мы готовы к этому, мы признаем, что сила на стороне британских капиталистов, а в течение всех этих лет мы заслужили имя реалистов и отдаем себе ясный отчет в своем положении.

Если рассматривать счета, представленные конференции, то ясно видно, что они распадаются на две страницы, на одной странице находится счет, пред'являемый британскими капиталистами, на другой — счет, пред'явленный российской делегацией.

Первая категория — это довоенные долги. Если бы русские были обязаны оплатить эти довоенные долги царского правительства, то в этом случае у нас имеется законное право требовать то, что принадлежало царю до вступления рабочих во власть, — собственность, захваченную британским правительством.

Во вторую категорию включены требования частных лиц, претензии, в первую очередь, за мелкие услуги и доставленные товары, а во вторую — претензии за национализированную во время революции крупную собственность.

Третья категория состоит из довоенных долгов и из сумм, занятых царскому правительству для того, чтобы последнее могло вести империалистическую войну.

Когда мы начали рассматривать цифры каждой из этих категорий, мы нашли, что совершенно невозможно установить деталей. В настоящее время, в течение уже некоторого периода, мы заседаем подолгу в комиссиях с весьма уважаемыми джентльменами. Мы просили этих джентльменов сообщить нам подробности по каждой цифре, включенной в меморандум, но до сих пор не в состоянии получить сколько-нибудь удовлетворительный ответ.

Порой нас спрашивали: зачем нам нужны детали, не для нашего ли здоровья? Русские делегаты были достаточно благоразумны, чтобы сделать вид, что они не слышат этих оскорбительных выражений, направленных по их адресу. Но рано или поздно мы должны притти к заключению, что точные цифры по каждой категории претензий не могут быть выведены в деталях. Поэтому русские предложили иной метод

Библиотека Института Л. И. Ленина
1059355

работы, а именно, начать с наименее спорных пунктов и перейти к наиболее спорным. Мы предложили начать с вопроса мелких кредитов, мелких держателей облигаций и мелких капиталистов, которые составляют самую крупную группу кредиторов, но которые не представляют наиболее крупного капитала. Это, конечно, предполагает наличность определенного торгового соглашения между Великобританией и Россией, и в настоящее время мы заняты этим торговым соглашением.

Следующий вопрос — о военных долгах. Даже с капиталистической точки зрения миллионы русских рабочих и крестьян отправлялись на войну для того, чтобы «спасти Европу», по требованию и под диктовку генеральных штабов Великобритании и Франции. Кости трех с половиной миллионов русских рабочих и крестьян лежат на полях Польши и других стран. Наступило, в конце концов, время, когда русские не могли больше выдерживать войны и они эту войну прекратили. Но факт остается фактом, что русские рабочие и крестьяне понесли огромные жертвы. Около 30 миллионов было ранено или изувечено на всю жизнь. Россия не получила ни Рура, ни германского флота, ни мандатных территорий, ни островов в Тихом океане, ни верховенства на европейских рынках. Россия ничего не получила, и логика говорит за то, что она ничего не должна платить. Но, мы знаем, что когда сильный говорит со слабым, то не л о г и к а, а с и л а, является решающим фактором. Но у нас есть зато другого рода счет, который мы должны выдвинуть против этого счета. Мы говорим тем, с которыми мы встречаемся на конференции: «Вы явились на нашу территорию незваными гостями, вы уничтожали рабочие правительства на местах, вы уничтожили рабочее управление в 15-ти округах, вы подрывали нашу экономическую жизнь и разрушали наше внутреннее строительство. Вы должны платить за это, а наш счет достигает многих миллиардов золотых рублей и представляет собой гораздо больший счет, чем пред'явленный вами по военным долгам». Мы заняли такую позицию: «Вам не нравятся наши счета, конечно, мы понимаем это, но нам не нравятся ваши. Если вы не соглашаетесь оплатить наш счет, давайте аннулируем оба».

По первым счетам, однако, мы готовы признать баланс в пользу британской стороны, и мы готовы компенсировать мелких держателей бумаг и мелких претендентов вообще.

Теперь я укажу на некоторые пункты, по которым Советская делегация ни при каких условиях не пойдет на уступки. Прежде всего, надо твердо помнить, что ни при каких обстоятельствах мы не согласимся на разрешение вопроса, которое будет являться прямым или косвенным подрывом социально-политической системы Советской республики. Во-вторых, мы готовы платить, хотя и не признаем, что это справедливо. Но мы не можем платить больше, чем имеем. Наш бюджет все еще сведен с дефицитом в сто миллионов золотых рублей. Верно, что мы основали наш бюджет на системе устойчивой валюты. Это была реформа того же рода, какая со столь огромными трудностями и с помощью со стороны имела место в Германии, но какая в бедной России была проведена легко. Мы выпустили крестьянский заем, и крестьяне охотно давали деньги своему правительству. ВЦСПС, как представитель рабочих, заявляет, что русские не возьмут на себя по отношении к капиталистическому миру обязательств, выполнить которые они будут не в состоянии. Сумма того, что мы можем платить, определяется тем, что у нас есть для расплаты.

Опять таки, мы нигде не можем добыть миллионы фунтов стерлингов для того, чтобы сразу оплатить проценты, и нам не нужно займов, если никто от нас не потребует удовлетворения такого рода претензий. Если же, напротив, Советские Республики должны будут оплачивать эти претензии сразу же, то мы должны получить заем для того, чтобы мы могли начать выплачивать проценты.

Наша делегация осведомлена относительно необходимости заинтересовать в этом займе британских промышленников, так как только в этом случае может быть заключен большой заем. Мы не хотим денег, не хотим золота, чтобы выпускать бумажные деньги, обеспеченные этим золотом. Это лишь снизит ценность наших бумажных денег. Поэтому мы представляем себе заем в товарах или продуктах, так как 75% всей заемной суммы в течение ближайших 5-ти или 6-ти лет было бы израсходовано на заказы в Великобритании по судостроению, на машины, элеваторы, механизмы всякого рода, переоборудование и дооборудование предприятий шерстяной и хлопчатобумажной промышленности и т. д. Такова единственная форма займа, которая откроет возможность выполнения обязательств, принятых на себя, и выплату процентов

по русским долгам. Такова также форма займа, которая наиболее отвечает интересам Великобритании.

Третий пункт, который с нашей точки зрения является кардинальным, сводится к следующему: для нас Великобритания имеет исключительное значение, она более важна для нас, чем какая-либо другая страна, и поэтому мы не можем итти на такие соглашения с другими странами, на какие мы пойдем на данной конференции. Мы не можем ни на минуту допустить возможности в случае, если мы договоримся о признания определенных претензий на настоящей конференции, чтобы аналогичные претензии посыпались на нас с каждой части земного шара. Это было бы бремя, которое, мы, конечно, не могли бы нести, ибо оно раздавило бы нас, мы против того, чтобы форма нашего соглашения могла явиться прецедентом для третьих лиц.

Затем, перед нами стоит вопрос о претензиях, связанных с национализацией крупной собственности. Мы знаем, что претензии эти чрезмерно раздуты: общая сумма представленных счетов достигает 180 милл. фунтов стерлингов. Но как бы ни были раздуты эти счета, мы знаем, что около половины всей суммы представляют собой претензии двух крупных капиталистов. Это именно те капиталисты, которые заинтересованы в определенных концессиях, и в принципе мы признали и готовы работать на основе предоставления этим капиталистам концессий, если это окажется возможным. Но вопрос об этих крупных претензиях будет наиболее затруднительным из всех стоящих перед нами.

Так обстоит дело. Беседа, которую я получил возможность вести с представителями Генерального Совета, совпала с получением приглашения на заседание пленума конференции, вот уже в течение некоторого времени не имевшего места. Я мог, таким образом, сказать все это совершенно спокойно, не боясь, что я совершаю какое-либо политическое действие, нарушающее обязательства русской делегации. Чего мы боимся, так это того, что данная точка зрения не будет понята завтра, и что на конференции будет сделана попытка отодвинуть в сторону отмеченные пункты и поставить нас лицом к лицу с более крупными и более сложными проблемами — ради совершенно определенной цели. Я не могу скрыть от вас этого опасения и я был бы весьма рад, если бы оно не оправ-

далось. Я знаю, что если бы мне предстояло разрешить вопросы, стоящие перед конференцией, с самими рабочими, а не с чиновниками министерства иностранных дел, мы могли бы добиться соглашения в 4—5 часов, но, к сожалению, положение иное: мы вынуждены вступать в соглашение по этим вопросам с совершенно иного типа людьми.

Я не хочу затруднять слушателей изложением нашей полной программы, но есть один вопрос, который может возникнуть позднее и который, я считаю, имеет особое значение.

Мы уже подняли перед британским правительством вопрос о соглашении в области международного рабочего законодательства. По этому вопросу и рабочие, и промышленники думают одинаково, потому что данный вопрос сводится к предупреждению конкуренции между странами с экономически-отсталым рабочим классом и высоко развитой страной, вроде Великобритании. Мы представляем себе, что этот вопрос не будет затронут и не может быть разрешен на конференции без предварительного соглашения, но это тот вопрос, который я надеюсь обсудить еще вместе с Генеральным Советом.

Второй вопрос — это вопрос о разоружении и о совместных выступлениях для того, чтобы уменьшить угрозу миру всего мира. Никто в этой комнате не должен скрывать от себя факта, что опасность новой мировой бойни немногим меньше теперь, чем она была в 1914 г. Мир все еще слишком тесен для капиталистов разных стран, и по этому вопросу, вопреки тактическим и политическим разногласиям в области теории, русские делегаты заодно со всеми здесь присутствующими. Люди, с которыми мы встретимся завтра, многим отличаются от присутствующих здесь. Мы попытаемся, прежде всего и раньше всего, установить принципы, а не формулы, как это имело место в Генуе и Лозанне. Мы признаем, что рабочий класс медленно, но верно движется к захвату политической власти, как это показано немецкими и французскими выборами. Но, завтра может быть сделана попытка избежать соглашения и даже подорвать шансы на соглашение. Много говорят о пропаганде, но присутствующие здесь знают, что пропаганды бояться нечего. Нет такой пропаганды, которая была бы страшна кому бы то ни было, кроме близорукого капиталистического класса. Наша подлинная пропаганда заключается в факте нашего существования, что на одной шестой

части всего земного шара рабочий класс располагает всей полнотой власти и создал рабочее государство — это и есть наша пропаганда.

Мы уже слышали угрозы, что если на нынешней конференции не будет достигнуто соглашения, то в течение 10 лет с Россией не будет вестись никаких дальнейших переговоров. Это — серьезная угроза, и мы должны считаться с ней. Но, тем не менее, мы должны повторить, что мы не можем продать своего права первородства за чечевичную похлебку. Прежде всего, мы не можем согласиться на то, чтобы платить больше, чем это позволяют наши возможности, и, во-вторых, соглашение с британскими капиталистами не должно быть прецедентом ни для какой-либо другой страны. В 1917 г. мы уже слышали угрозу разорвать переговоры, и на некоторое время наши отношения с британскими банкирами были прерваны. Мы убеждены, что наши сношения с организованным трудом, представленным здесь, будут развиваться постоянно, и что хотя банкиры, может быть, не пожелают разговаривать с нами в течение 10 лет, британские рабочие будут с нами разговаривать и заставят даже капиталистов войти с нами в переговоры.

Альберт Перселль в заключительном слове говорит:

— Мы стали сегодня мудрее и лучше. Существуют закулисные интриги, с которыми придется вести борьбу. Мы хотим вам сказать: полагайтесь на нас. Мы сделаем все, что будет в наших силах. Если произойдет какой-либо разрыв в работах конференции, пусть русские делегаты скажут нам, Генеральному Совету. Мы будем готовы использовать все наше влияние, все возможности, чтобы избежать разрыва, ибо соглашение должно быть достигнуто. Если потребуются более категорические заявления с нашей стороны, мы готовы сделать их. На рабочих митингах нет более популярного вопроса, чем вопрос о России. В позициях прессы мы видели желание затруднить конференцию, но мы не видели угрозы успеху ее. Мы уверены, что нужно составить новый счет всем требованиям и действовать через рабочую партию и палату общин. Мы понимаем позиции, какие вы заняли — вы все хотели поднять до высоты подлинного согласования. Рабочие это понимают. Но они уверены, что вы быстро идете по пути к окончательному разрешению всех спорных вопросов. Поскольку мы будем вме-

сте, мы будем успешно работать. Мы предлагаем вам всю ту поддержку, на какую мы способны.

Мы не рассматриваем настоящее собрание, как окончательное. Это — начало. Мы хотим силами всего Совета оказать вам полную и безусловную поддержку. Какие бы действия с нашей стороны ни потребовались, какую бы энергию не пришлось затратить, какую бы поддержку не нужно было оказать, — все это будет сделано. Бен Тиллет просит меня еще раз подчеркнуть, что таков именно смысл наших намерений. Мы хотим обеспечить полный успех конференции. Вам нужно поддерживать прямой контакт с нашим центром. Для обсуждения и консультации нужно выделить лицо, которое поддерживало бы этот контакт. Мы готовы на эту работу.

Паултон, говоря, что он повинуется своему председателю, предложившему ему ответить на речь т. Томского, благодарит последнего, устанавливая, что все премного обязаны ему за ясность, с какой он изложил свою точку зрения. Эта речь много посодействует пониманию английскими рабочими подлинного положения вещей. Конечно, из этого не следует, что мы подписываемся под всем тем, что вы сказали или делаете, как не следует и то, что вы подписываетесь под всеми нашими словами и действиями, но вы и мы желаем предупредить безумные войны и кровопролития. Изложенные т. Томским три основных пункта являются совершенно правильными с точки зрения рабочих. И если возникает какой-нибудь спор, надо направить все усилия на то, чтобы держаться всем вместе, нужно принять все меры к тому, чтобы, в случае, если конференция зайдет в тупик, дело было надлежащим образом выправлено. Мы не должны допустить, чтобы конференция закончилась без твердого соглашения.

Есть еще один вопрос о международном соглашении по рабочему законодательству, на котором было бы желательно остановить ваше внимание: Как вам известно, существует международное Бюро Труда при Лиге Наций. Русские рабочие могут стать членами Бюро Труда, не присоединяясь к Лиге Наций. В качестве иллюстраций могу привести пример Лейпарта, который заседает в Бюро Труда бок-о-бок со мной. Я надеюсь, что буду иметь удовольствие видеть и вас рядом со мной на заседаниях Бюро Труда. Вместе, общими силами.

мы достигнем такого взаимного понимания, при котором война станет абсолютно невозможной.

Бен Тиллет. Мы очень обязаны т. Томскому за чрезвычайно ясное изложение положения вещей и переводчикам, которые помогли нам переступить через преграды, воздвигнутые различием в языке. У нас знакомство с Россией не из лучших. Речь же т. Томского дала нам возможность яснее и отчетливее почувствовать Россию, дала нам возможность яснее и отчетливее почувствовать рабочее движение. Как сказал Бромли, каждое слово этой речи подобно камешку, брошенному в воду, — от него пойдут в рабочей массе все расширяющиеся круги. Так, по крайней мере, мы чувствуем сегодня вечером.

Среди нас нет ни одного человека, который не отдавал бы полностью своих симпатий России, даже тогда, когда она была беспомощна. За каждым из присутствующих здесь стоят многие годы бескорыстной службы рабочему классу. Мисс Валли, — единственная женщина в нашем обществе, — много сделала для того слоя рабочих, которые мы называем неквалифицированными. Ваши молодые фабричные работницы получили бы не мало пользы от услуг мисс Валли.

Я хотел бы, чтобы речь тов. Томского прослушали не несколько человек, а вся рабочая масса. Мы в значительной мере бродим в потемках, так как наша печать сознательно вводит нас в заблуждение. Храбрый маленький «Дейли Геральд» пытается несколько рассеять эти потемки, чтобы дать нам более точное представление о реальном положении вещей, но его работы мало для этого.

Я отдал 45 лет своей жизни работе на благо пролетариата. Я всегда чувствовал, что у меня имеется только самое туманное представление о сути дела и о России. Сегодняшнее наше собрание поэтому является историческим и открывает новую эпоху. Я начал свою работу в 1878 году в Бетнал-Грине, бедном рабочем квартале. Уже в 1888 г. я побывал в Риге, перевозя туда литературу. Поэтому у меня есть кое-какое представление о России. Но тогда положение вещей было иным,— тогда мы боролись за то, чтобы приостановить поток несчастий, направленный капиталистической эксплоатацией на рабочих. Все, что мы тогда могли делать, — это затыкать постоянно образовывавшиеся новые прорехи. Вы возвели великие дамбы

перед этим потоком и вы имеете право, по меньшей мере, на ту помощь, которую может оказать работа человека великому русскому делу.

Мы получили так много сведений об этом деле и, конечно, люди, находящиеся сейчас в мастерских, должны были бы присутствовать здесь, чтобы самим почувствовать то подлинное красноречие, с каким Томский обращался к нам. Нынешнее собрание значит больше, чем посещение кабинетов министров. Здесь раздался человеческий голос, который заставляет забыть о многих поражениях и неудачах прошлого. Я чувствую себя опять юным, благодаря той воодушевляющей атмосфере, которая здесь установилась, благодаря тому, что мы встретились здесь с профессионалистской частью Советской делегации. Я просил бы вас не отказать посетить меня и профессиональную часть рабочей партии в палате общин в следующую среду в 5 часов.

Вы можете потерпеть поражение, или видимость будет говорить за то, что вы пережили неудачу, но это будет только видимость: вы не можете терпеть поражений. В этом я убедился за 50 лет моей работы. Если ваша цель свята, то какие бы неудачи ни выпадали на вашу долю, они всегда не преминут стать вашими победами. А мы здесь с вами ставим себе такую святую цель, и мы здесь с вами находим великий общий язык, язык братской любви.

Фред Брамли. Время уже поздпее и достаточно уже сказано, чтобы выяснить наши отношения. Я хочу лишь подчеркнуть, что наше желание — обеспечить подлинное соглашение между Советской Россией и Великобританией. Я чувствую, что нам нужно продумать как следует речь т. Томского. Она слишком глубока, слишком всесторонняя и важна, чтобы можно было о ней говорить без глубокого, вдумчивого отношения.

Одно ясно — должен быть установлен постоянный контакт между профессиональным центром Великобритании и профессиональной частью Советской делегации. Вы не должны забывать, что в нашей стране политическое представительство — не хозяева, а слуги профессионального движения. Поэтому необходимо поддерживать оффициальный контакт, и все, что Советская делегация пожелает, будет предпринято Советом тред-юнионов. Всякий шаг, содействующий быстрому и

благополучному разрешению спорных вопросов, будет предприниматься немедленно. Отнюдь не поймите меня так, что мы просим вас официально запрашивать нашего мнения по тому или иному вопросу. Мы вовсе не хотим, чтобы вы совещались с нами, мы не хотим вмешиваться в дело определения вашей позиции. Мы хотим лишь знать о ваших шагах, ибо мы единогласно считаем, что страна наша не может допустить неудачи конференции из-за несоглашения по вопросу о долгах. Реальная цель конференции—установить нормальные отношения между нашими странами — должна быть достигнута во что бы то ни стало. Я говорю не только от имени Генерального Совета, я говорю от имени всех британских рабочих, которые единогласно присоединяются к этой точке зрения. Экономическое развитие России будет означать экономическое развитие Великобритании. Мы не хотим рассматривать перспективу окончания конференции с неблагоприятным результатом, не учитывая тяжелых экономических последствий для британского рабочего. В интересах рабочих Великобритании получить удовлетворяющее обе страны разрешение всех спорных вопросов. Вот почему мы хотели бы, чтобы вы сговорились с нами — с Генеральным Советом тред-юнионов. Разумеется, мы понимаем всю необходимость сохранения конфиденциальности всего того, что вы нам сообщаете. Мы не хотим, чтобы вы нам сообщали что-либо, что не является абсолютным минимумом, необходимым для того, чтобы мы могли действовать немедленно, по возникновении потребности в этом. Мы будем свято хранить в тайне полученную от вас информацию, но нам необходимо быть с вами в полном контакте.

Томский. Я благодарю британских представителей от имени Советской делегации за великолепный ответ, вызванный моими замечаниями. Многие из моих товарищей хотели бы в свою очередь сказать несколько слов, но время не позволяет.

Я не ожидал такого искреннего привета от вождей британского профессионального движения. Я хотел бы сказать каждому представителю британского профессионального движения, что у нас нет ничего, что мы хотели бы скрыть от них. Поскольку речь идет о ведущихся переговорах, было бы делом получаса подписать договор с товарищами Брамли и Тиллетом. Нам не пришлось бы спорить относительно сотни миллионов

золотых рублей в уплату за миллионы человеческих жизней, мы подошли бы к вопросу с совершенно другой точки зрения. Я могу дать представителям британского профессионального движения обещание, что Советская делегация не предпримет ни единого важного шага в переговорах, не согласовав его с политикой Генерального Совета конгресса тред-юнионов. Указания относительно необходимости поддерживать прямую связь будут выполнены. Тов. Яроцкому будет поручено поддерживать контакт со стороны Советской делегации. Независимо от конференции и ее результатов, мы, я убежден, попрежнему будем находить всяческую поддержку и сочувствие со стороны британского рабочего класса. Я согласен с т. Тиллетом, что нам не приходится с неудовольствием оглядываться назад, на временные поражения. Мы можем рассматривать их, как новый шаг по направлению к великим плодам будущего.

Я еще раз благодарю британских представителей за высказанные симпатии и выражаю твердую уверенность в том, что два великих профессиональных движения заложат фундамент дружеских экономических отношений между народами обеих стран отныне и навеки.

Альберт Перселль. Этим заканчивается то, что, я полагаю, является исключительным по своему значению историческим собранием.

Речь тов. Томского на III Всемирном конгрессе Профинтерна,

произнесенная 19-го июля 1924 г.

Товарищи, после обстоятельного доклада т. Монмуссо моя задача чрезвычайно упрощается, и русская делегация, выставив меня в качестве содокладчика, вовсе не имела в виду, что между нами и линией, развиваемой т. Монмуссо, есть хотя бы тень разногласий. Наоборот, наша делегация, выставляя меня содокладчиком, имела в виду дальше углубить и расширить вопрос, более ясно поставить его перед иностранными товарищами, выяснить отношение к этому чрезвычайно важному вопросу со стороны русской делегации, ибо вокруг вопроса о вхождении русских союзов в Амстердамский Интернационал создано слишком много шуму во всем международном профессиональном движении. Не только профессиональные союзы, не только вся профессиональная пресса без различия оттенков, но даже политические партии, враждебные нам, партии реформистские, даже наши старые знакомые, меньшевики и эс-эры, чрезвычайно оживленно дебатируют этот вопрос. Выяснить истинный взгляд русских профессиональных союзов на этот вопрос, — вот, что я считаю задачей своего содоклада.

Я не стану повторять основных положений доклада т. Монмуссо о важности и необходимости единого фронта; однако, я не могу и обойти его молчанием. Мы не будем скрывать от себя, что иногда нам приходится слышать голоса сомнения по вопросу о практической целесообразности применения тактики единого фронта. Конечно, в опыте единого фронта мы можем найти целый ряд практических ошибок. Об этом говорилось и на V Конгрессе Коминтерна, и здесь. Но можно ли делать из этого общий вывод, что практика

показывает лишь отрицательные факты и что линия единого фронта вообще неправильна? Это было бы глубочайшей ошибкой, ибо с таким же успехом на опыте отдельных неудач применения вооруженного восстания в освободительной борьбе рабочих можно притти к столь же неправильному выводу, что метод вооруженного восстания неправилен, так как когда-то и где-то такое-то восстание потерпело поражение, так как когда-то его раздавили и оно кончилось разгромом революционных сил. Это, конечно, ошибка. Это — обобщение, и обобщение довольно обывательское. Правильность и необходимость тактики единого фронта остается в полной силе. Это прекрасно доказал т. Монмуссо, и нам приходится только солидаризироваться с ним в этом вопросе. Больше того, как бы ни решили мы спор о том, кончилось ли наступление капитала на рабочий класс или еще продолжается — и в том и в другом случае тактика единого фронта остается верной и незыблемой.

В отдельных странах, в отдельных отраслях промышленности наступление капитала приостановилось, в некоторых продолжается. Там, где оно приостановилось, оно остановилось не после победы рабочего класса, а после того, как рабочий класс в своей экономической борьбе за последний период понес целый ряд потерь и поражений. Был первый период, когда буржуазия после войны подкупила рабочий класс без боя, сделав ему целый ряд уступок. В этом секрет расцвета Амстердамского Интернационала после войны. В этот первый период буржуазия сама делала необходимые минимальные уступки рабочим для сохранения гражданского мира. Наступил второй период, когда буржуазия перешла в наступление — то разрозненными отрядами, то более сплоченными — на рабочих, отнимая уступки, отнимая ту кость, которую она бросила рабочим после войны. Этот период еще продолжается. В некоторых отдельных отраслях промышленности, в некоторых странах он приостановился лишь после того, как весь рабочий класс был почти дорезан, когда почти все то, что было дано, было отнято обратно. В других странах наступление продолжается в полной силе, и мы стоим перед третьим периодом, когда рабочий класс, доведенный до минимума необходимого экономического благосостояния, должен будет перейти в контр-атаку для завоевания того, что у него отнято.

Я не стану развивать вам эту мысль; каждый из вас в отдельности не хуже меня знает экономическое положение западно-европейских рабочих. Все вы знаете, что нигде рабочие не довольствуются тем экономическим положением, к которому привел их предыдущий период. Но мы видим и другое. Мы видим, как в угольной промышленности, в тяжелой металлургии, в отдельных странах, капиталисты концентрируют свои силы для нового наступления; мы видим, что разрозненные наступления капитала — это можно авансом предсказать — кончаются, что капитализм повсеместно переходит в наступление, переходит единодушно, сплоченным фронтом.

Возьмите последние забастовки в Англии, последние столкновения в практике английской экономической борьбы, и вы увидите, что там дело идет не с отдельными предпринимателями, а в каждом случае выступает союз, об'единение, картель предпринимателей. Капитал концентрирует свои силы и должен концентрировать их в силу экономического положения, в силу положения европейского хозяйства, неустойчивого финансового положения, когда капиталисты открыто говорят, что данное экономическое положение делает невыгодным ведение дела при данном уровне заработной платы. Капитал приостановил свое наступление для того, чтобы затем с новой силой наступать на рабочих, его наступление на других фронтах продолжается с полной силой.

Рабочий класс не мирится и не будет мириться с этим наступлением и со своим нищенским положением. Но перед рабочим классом в большей степени, чем перед капиталистами, стоит задача концентрации своих сил для завоевания того, что отнято, и для отражения нового наступления капитала. Положение даже английских рабочих далеко не блестящее. Рабочие не могут и не будут с этим мириться. Последний конфликт углекопов в Англии, последняя стачка рабочих лондонских подземных дорог, постоянное брожение в союзе транспортников, — все это явления одного порядка. Предыдущая стачка рабочих подземных железных дорог, по заявлению некоторых лидеров английских юнионов, носила невиданно ожесточенный характер, какого они до сих пор не наблюдали в своей практике. А ведь это говорят люди, убеленные сединами, они говорят, что не видели такого ожесточения, каким были отмечены последние стачки английских рабочих.

Мы всегда считали, что рабочему классу в его экономической борьбе необходима бо́льшая концентрация сил, бо́льшая сплоченность, нежели предпринимателям. Это закреплено в отдельных резолюциях наших с'ездов. Для нас это незыблемое положение. Исходя из этого принципа, мы строим свои союзы, учась на опыте Запада. К сожалению, Запад плохо учится на нашем опыте, на опыте построения производственных союзов. Но кое-что в этом отношении есть, быть может, бессознательное, быть может, еще не вполне оформленное. Даже внутри Амстердама мы видим первые шаги, первую попытку концентрации сил. Не отдавая себе отчета, — ибо я этого не заметил ни в речах, ни в официальных отчетах деятелей Амстердама, которые исходят лишь из организационных принципов, — внутри Амстердама происходит какая-то перестройка, помимо политической перегруппировки происходит перестройка организационная.

Внутри Амстердама оформляется довольно ясное течение, так-называемых, — как я лично их называю по аналогии с нашими прежними течениями, — вертикалистов. До сих пор Амстердамский Интернационал опирался лишь на горизонтальные, национальные, организации. Теперь вырисовывается твердое и ясное стремление международных секретариатов, — а, по нашему, международных центральных комитетов, — играть все большую и большую роль. Международные секретариаты сбоку Амстердама складываются в особую полуоформленную организацию, как пристройки к Амстердаму. На последнем их конгрессе, — они называли его совещанием, но от этого дело не меняется, — международные секретариаты собрались, выбрали людей, обсуждали важнейшие вопросы, несмотря на сопротивление, очень сильное и большое, несмотря на недовольство со стороны лидеров Амстердама и национальных об'единений.

Международные секретариаты несколько испортили существовавшую до сих пор «стройную» структуру Амстердама, вводя туда своих представителей. Все это факты одного порядка. Борьба между трудом и капиталом в национальном масштабе ясно вырисовывает концентрацию капитала, больше того, концентрация капитала в ближайшее же время грозит вылиться в интернациональные формы. Я думаю, не нужно быть пророком, товарищи, чтобы сказать, что при том или

ином разрешении вопроса злосчастного Рура угольные короли Англии и угольные рурские короли договорятся между собою в целях регулирования заработной платы и угольных цен. Это так вытекает из положения вещей, что перед углекопами в ближайшее время, я не сомневаюсь, встанет вопрос о договоре уже не с национальным, а с интернациональным об'единением предпринимателей. Эти соображения, — это очень важные соображения, — заставляют нас с наибольшей остротой, с наибольшей последовательностью поставить вопрос о едином фронте. Мы не можем в этот момент не сказать рабочим о том, что перед лицом наступающего капитала, грозящего окончательно низвести рабочих до степени рабов, мы впервые протягиваем руку нашим врагам, мы не скрываем, что нашим врагам — реформистам — мы протягиваем руку и говорим: за вами идут еще миллионы рабочих, в ваших руках целый ряд крупных организаций, и хотя мы имеем гигантское, колоссальное влияние на миллионы рабочих, — хотя мы боролись с вами и будем с вами бороться, хотя мы попрежнему не простим вам ни одной ошибки, хотя мы будем разоблачать перед лицом рабочих каждый ваш шаг, вашу половинчатость, вашу непоследовательность, пагубность вашей идеи гражданского мира, тем не менее, в интересах рабочих масс мы предлагаем вам совместно с нами бороться с капиталом. Нам, представителям рабочего класса, чуждо, незнакомо и не может быть знакомо чувство какой-нибудь личной ненависти. И если приходится встречать таких товарищей, которые пытаются сводить большие, колоссальной политической важности, тактические вопросы борьбы классов к вопросам личным, к вопросам чувства, которые говорят — «неужели мы с этими предателями сядем за один стол и будем вместе с ними работать, неужели между нами и ими может быть что-нибудь общее?», то это, товарищи, никуда не годное соображение. Сравнительно с великой проблемой классовой борьбы и ее очередными тактическими задачами, это — маленький вопрос, такой же пошленький, как пункт, который включили амстердамцы в свою резолюцию о русских союзах, пункт, который они, очевидно, считают очень важным и который говорит о том, что они будут вести переговоры только под углом зрения достоинства Амстердамского Интернационала.

Нам чужды эти вопросики обывательского характера.

Для нас важное и главное, определяющее наше отношение к группе лиц, к партии, к классам, заключается в задачах и интересах классовой борьбы пролетариата, рассматриваемой, в данном случае, в международном масштабе. Мы ни на минутку не отказывались, не отказываемся и не будем отказываться и в будущем вскрывать перед лицом рабочих масс со всей беспощадностью каждый шаг реформистов, их половинчатость и непоследовательность, противопоставляя им свою классовую, выдержаную, последовательную, революционную, коммунистическую линию. Мы от этого никогда не отказывались и не будем отказываться, но задачи борьбы требуют единого фронта, требуют его логического заключения снизу до верху, в первую очередь, снизу. Об этом мы много говорили и многое делали, но мы до сих пор еще не закончили этой работы.

Нам еще приходится в тот или другой момент встречаться с отдельными товарищами, которые, под влиянием вполне понятного человеческого негодования, пытались уходить из профессиональных союзов. А разве в опыте русского профессионального движения этого не было? А наши коммунисты и те революционные беспартийные, которые шли за нашими коммунистами в союзе служащих, разве не пытались они, вот в этом Колонном зале, расколоть союз служащих, когда оставалось чуть-чуть, чтобы додавить наших реформистов — меньшевиков. Разве меня не ругали оппортунистом на заседании фракции, потому что я говорил: не уходите, не уходите, вас была одна десятая, теперь вы составляете одну треть, а будете в большинстве! А через шесть месяцев мы додавили реформистов. Даже у коммунистов лопается иногда терпение, человеческое берет верх над более высокими соображениями, простое человеческое негодование на реформистов, желание плюнуть на них, не возиться с ними. Понять это можно, но оправдать нельзя.

Мы с полной ясностью ставили вопрос и говорили: не уходи из профессиональных союзов. Перед нашим рабочим движением, несмотря на его молодость, неоднократно вставали такие вопросы. Мы были принципиально против касс взаимопомощи (обществ взаимопомощи). Мы считали, что кассы (общества взаимопомощи) являются недоноском рабочих организаций, и в свое время ставили принципиальный вопрос о

том, можно ли входить в кассы взаимопомощи (общества взаимопомощи). Мы, большевики, решили его таким образом: там, где есть четыре рабочих, пятым должен быть большевик. Он пойдет везде и повсюду, где есть рабочие. Пусть реформисты — предатели, но за ними есть рабочие, и мы не уйдем поэтому из этих профессиональных союзов, мы будем бороться за каждого рабочего. Мы в совместной работе с ними будем лучше, чем теперь, вскрывать их ошибки и недочеты. Если мы до сих пор обстреливали их из Москвы перекидным артиллерийским огнем, то пришел момент, когда нам нужно итти в штыки! (Аплодисменты). Разве Амстердам не является крепостью? Это есть крепость, это есть цитадель реформизма, и тот ничего не понимает в тактике партийной борьбы, в задачах классовой борьбы, кто откажется от этого или предложит нам, революциоными союзам, отказаться от того, чтобы войти колонной в цитадель нашего противника. Это будет ошибка, это будет близорукая тактика. Кто этого не поймет, тот ничего не понимает в задачах рабочего движения!

Разве теперь сторонникам Профинтерна легко работать? Разве в Англии, во Франции, в Германии, особенно там, где сторонники Профинтерна в меньшинстве, разве вы не чувствуете часто у рабочих недоумение: «Ну, вы говорите, что вы против раскола, но существуют два Интернационала, почему же вы не об'единяетесь?» Мы ставим точку над «и» и говорим: да, мы за об'единение профессионального движения в едином Интернационале.

И ведь это не случайность. В истории рабочего движения, такого колоссальнейшего фактора всей мировой истории, случайности не бывает. Есть племя дикарей, которое говорит, что ничего в мире нет случайного, только дикий маис родится случайно. Мы думаем, что дикий маис не случайно родится. Нет, не случайно родится «дикий маис», не случайно родится левое крыло, — оно является выражением и отражением глубочайших настроений широких рабочих масс. Я вовсе не хочу выставить себя знатоком международного рабочего движения. Текущие дела российского рабочего движения, наоборот, заставили меня целиком заниматься русским движением и слишком мало уделять внимания изучению и знакомству, даже элементарному, с международным рабочим движением. Я равным образом не хочу сказать, что я за три

месяца, пока я был в Англии, прекрасно изучил английское рабочее движение, но кое с чем я познакомился, и пусть английские товарищи меня опровергнут, если я буду неправ, утверждая, что лозунг единого Интернационала вместе с русскими союзами явится и будет являться наиболее популярным среди английских рабочих, и что английские рабочие пойдут за тем, кто этот лозунг выбросит!

Тот, кто пойдет под этим лозунгом, тот победит в Англии. Это понимают наиболее умные, дальновидные, опытные вожди рабочих союзов, не будучи коммунистами. Они понимают, что под этим знаменем победят. Рабочие рвутся к созданию единого фронта, в этот момент этот вопрос является актуальным. Классовый инстинкт пролетарских масс подсказывает это, и наша задача—еще больше углубить, расширить перед рабочим этот лозунг. Мы за единый Интернационал, мы за единое рабочее движение, мы не болтаем и не прячемся от разрешения этого вопроса словами о «достоинствах» нашего Профинтерна. Мы не цепляемся за то, кто первый скажет «а». Если в интересах классовой борьбы, в интересах об'единения и сплочения рабочего класса потребовалось бы Профинтерну первым сказать: «Господа амстердамцы, давайте, построим единый Интернационал»! — мы это скажем. Пусть они кричат, сколько хотят, что, вот, Профинтерн первый к нам пришел. Так говорят мещане. Пусть у них останется мещанское самодовольство, а у нас будет правильная революционная инициатива. Только так можно ставить вопрос. (Аплодисменты).

Темп рабочего движения в данный момент, темп революционного рабочего движения замедлился, движение снова вошло в несколько ровное русло. Этого нам не нужно от себя скрывать. Не так давно, около года тому назад, мы, ведь, видели другие перспективы. Перед нами вырисовывалась во весь рост, во всем ее грандиозном международном значении германская революция. Но германская революция пошла по другому пути, и снова революционное рабочее движение входит в замедленное и спокойное русло, снова важнейшими вопросами являются вопросы экономической борьбы. Тяга в профессиональные союзы снова увеличилась.

Есть, товарищи, две опасности. Первая опасность заключается в недооценке своих сил, в том, что бывают робкими и

нерешительными, в решительный момент говоря: «ах, я слабенький»... Но есть и другая большая опасность — недооценка сил противника. Недооценка сил противника есть глубочайшая революционная ошибка. Лучше силы противника пересценить, чем их недооценить. Не будем в данном случае совершать этой ошибки.

Еще миллионы рабочих идут за Амстердамским Интернационалом, еще миллионы рабочих идут за реформистами. Борьба за души этих рабочих, пока что еще слепых рабочих, — есть решительная, колоссальная и важнейшая задача. Перед нами, левым революционным крылом международного рабочего движения, стоит новая очередная задача после тех задач, которые мы уже разрешили. Мы выполнили, если можно так выразиться, задачу агитационно-пропагандистскую — задачу первого периода работы Межсовпрофа. Мы ее выполнили блестяще. Вокруг этой пропаганды мы заставили сбиться целый ряд, тысячи и миллионы лучших деятелей профессионального движения и рядовых участников профессионального движения. Следующую задачу мы также выполнили более или менее удовлетворительно; это — задача организации своих сил внутри международного профессионального движения. Она не закончена, конечно, потому что никогда организационные задачи не бывают законченными вполне, но мы, Профинтерн, ее разрешили довольно удовлетворительно. Теперь перед нами стоит третья задача, которую также нужно разрешить, если мы хотим от роли оппозиции в международном рабочем движении притти к руководству международным рабочим движением. Без разрешения этой задачи мы будем в дальнейшем обречены заниматься только пропагандой, да плакаться на новую измену реформистских вождей, в то время, как нужно не плакаться, а нужно предупреждать, войти внутрь, стать лицом к лицу с противником, ловя его на каждом шагу, нужно вскрывать, разоблачать, вырывать из рук противника инициативу руководства. Дикий маис случайно не растет, дикари ошибаются. Не случайно у Амстердама вырисовалось левое крыло. Левеет масса, левеют вожди.

Левое крыло в Амстердаме — существующий факт. Это левое крыло, конечно, не имеет своей ясной программы. Конечно, это левое крыло об'единяет людей с различными политическими убеждениями и оттенками, но кое-что в левом

крыле есть, что его об'единяет. Их об'единяет мысль об едином Интернационале, их об'единяет, — по крайней мере, на словах, — желание оторвать Амстердам от Лиги Наций, от ее Бюро Труда. Левое крыло сложилось.

Можем ли мы возлагать надежду на то, что это левое крыло превратится в революционное левое крыло, в будущих наших союзников? Можем ли мы рассчитывать на это? Рассчитывать пока подождем, а проверить не мешает. А проверка создается в таких случаях тем, что перед колеблющимся, каковым и остается левое крыло, которое несогласно с правым крылом, ведет с ним компромиссную борьбу, которое непрерывно колеблется между правыми и нами, — нужно поставить во весь рост, на выбор, две тактики; поставить на ряде вопросов повседневной работы и руководства международным рабочим движением. Всякой реформистской линии внутри Амстердама мы должны и будем противопоставлять, если доведем свои намерения до конца, свою последовательную революционную классовую политику, а левые пусть выбирают: либо они вместе с правыми против нас, либо вместе с нами против правых! Если мы сумеем оторвать левых от Амстердама и повести за собой, это будет немаловажной победой, ибо сейчас Исполком Амстердама состоит из 4-х правых, 4-х левых и одного колеблющегося. Либо левые пойдут вместе с нами, тогда мы оторвем, разложим, — но не Интернационал, как неправильно перевел переводчик слова тов. Монмуссо, — а его реформистское крыло.

Мы не хотим разлагать Амстердамский Интернационал. Наоборот, мы хотим создать крепкий, сильный Интернационал, дееспособный, способный руководить рабочим движением. Нашей задачей было и будет отобрать все честное, все революционное, все лучшее, все то, что, запутавшись, барахтается вместе с реформистами. К таким я причисляю тов. Кука — лидера английских горняков. Несомненно, это честный рабочий, производящий впечатление искреннего борца за интересы рабочих, и — всем известного — тов. Перселля. Это — не плохие люди. Люди, которые своей практической деятельностью выказали свои симпатии к русским рабочим, которые сумели плыть в Англии против течения.

Конечно, левому крылу нужна проверка. «А если оно не пойдет за нами»?, зададут нам вопрос; тогда придется заста-

бить их выдержать экзамен перед рабочими, показать, действительно ли они левые, или только, так называемые, «левые». Так следует вскрывать все половинчатые позиции. Либо вести тех, которые колеблются, за собой, либо, путем экзамена и проверки, через огонь революционных действий, посмотреть, — золото это или медь. Если будет медь, сказать английским рабочим: смотрите, что стало с этой позолоченной вещичкой, которую вы называли золотом; а если окажется золотом, то мы приобретем не одну тысячу и не один миллион союзников.

Конечно, не одно это определяет нашу тактику; это не есть главное. Это одно из побочных соображений. Оно лишь показывает, что рабочие массы рвутся и хотят единого Интернационала профессионального движения, потому то и складывается течение внутри Амстердама за единый Интернационал, за единый фронт. В Амстердаме происходит дифференциация сил, и наряду с этим происходит другое явление, происходит чрезвычайно важная организационная перестройка, серьезная и интересная перестройка. Будем ли мы оставаться вне этого, или мы, революционные союзы, стоящие на платформе Профинтерна, в этот момент войдем туда, как стальной клин, как стальная революционная колонна? Так нужно ставить вопрос. Это, по-моему, основное и главнейшее: Этим мы предрешаем все остальные вопросы, и, я думаю, что, несомненно, все те, кто ясно и отчетливо представляет себе конъюнктуру международного рабочего движения, кто понимает реальную задачу того крыла мирового рабочего движения, которое не на словах только, а на деле революционно, кто не подменяет революционности, так называемой, «ультра-революционности», т.-е. претензий всегда и во всех вопросах быть левым, те поймут это и признают правильным. Быть «всегда левым», это — тоже опасно. Истинная революционность заключается в том, чтобы не быть правым и не быть левым, а взять правильный тон, правильную линию в рабочем движении и, не смущаясь криками, откуда бы они ни исходили, мужественно ее проводить. Вот в чем заключается действительная революционность. Иногда левизна является такой же болезнью и вредом, как и правизна. Не нужно и не следует при решении колоссальнейшей важности вопросов, международных вопросов, предрешающих на ближайшие годы судьбу и развитие междуна-

родного рабочего движения, подходит с точки зрения, просто утверждающей, что, так как реформисты плохи, так как реформисты предатели и т. д., то поэтому ничего общего с реформистами не имей, не подходи к ним и... больше ничего.

Вам, в вашей практике, приходилось не раз садиться за один стол с представителями предпринимателей и подписывать коллективные договоры. Почему вы не кричите, что это оппортунизм? А у нас были такие левые, которые кричали, что это оппортунизм договариваться со своими классовыми врагами. Интересы рабочего класса заставляют нас делать это, властно диктуют нам создание единого Интернационала профессиональных союзов вместе с реформистами. Да, вместе с реформистами, и тут никакие левые фразы нас с толку не собьют, потому что есть левые и есть «левые». Плохо, когда под влиянием ложного понимания левизны у людей мозги сбиваются налево, набекрень. Я уверен, что у нас, на нашем конгрессе, не найдется таких товарищей, что, как везде, так и здесь, мы пойдем единым стальным фронтом и в этом вопросе, и я тогда посмотрю, пусть мне тогда кто-нибудь скажет, что станет с так называемым Амстердамом, что станет с реформистами через два года после того, как мы создадим единый Интернационал. Двинется наша борьба или не двинется? Я утверждаю, что мы многого достигнем. Обратного никто не докажет. Признать это — вот основное, сделать это там, где этого еще нет, лозунгом рабочих масс, сделать лозунгом широких рабочих масс единый Интернационал профессиональных союзов, единый фронт снизу доверху, единое руководство международным рабочим движением, — вот ясный лозунг масс, массовый лозунг, понятный и доступный каждому рабочему, и пусть мне скажет хоть один профинтерновец, который серьезно работал в массах, что это не облегчит, не упростит, не даст стройности и законченности его агитационно-пропагандистской работе? Я утверждаю, что это облегчит, упростит ее и даст ей необходимую стройность. Мы за единый фронт не на словах, а на деле, — слово за вами, господа амстердамцы!

Теперь несколько слов о русских союзах. Должны ли русские союзы входить в Амстердам или нет? Те опасения, которые звучали, по крайней мере, в некоторых, может быть, кулуарных разговорах, о возможности русским покинуть ряды Профинтерна и одним уйти в другой Интернационал, требуют

раз'яснений. Товарищи, никто не станет отрицать, что Профинтерн строился русскими профессиональными союзами, что до сих пор никто не может бросить упрека русским профессиональным союзам в том, что они нарушили линию Профинтерна или Коминтерна, никто из наших революционных рабочих не может бросить и никогда не бросит русским профессиональным союзам обвинения, что русские профессиональные союза разорвут революционный фронт и уйдут от них. Ни одного шага русские профессиональные союзы до сих пор не делали и не сделают в будущем без ведома и санкции Профинтерна. Мы за единый Интернационал, но пока существует Профинтерн (он существует в лице его конгресса и в лице того исполнительного органа, который вы выберете), русские профессиональные союзы, как и всякий революционный союз, входящий в Профинтерн, не сделали и не сделают ни одного шага без согласия Профинтерна и Коминтерна. Мы строили Профинтерн, это очень интересно теперь напомнить, в некоторый момент, вместе с итальянскими реформистами вождями, вместе с левыми вождями английского профессионального движения, Перселлем и Вильямсом. Акт о создании Профинтерна или Межсовпрофа подписан на одном листе Томским, Зиновьевым, Лозовским и д'Аррагона, Дугони и Коломбино. Разве мы не знали, кто такой д'Аррагона? Что мы, в Советской России, такие уж мальчики, что мы не знали сущности характеров д'Аррагона и Дугони? Но и д'Аррагона, и Дугони, подписавшихся на этом листе, мы использовали, они нехотя, невольно, сделали большое дело. Мы используем реформистов и еще раз, но, я повторяю, ни одного шага русские союзы не делали и не сделают без Профинтерна. Но должны ли мы, русские профессиональные союзы, отказываться от переговоров, должна ли какая-либо другая часть нашего Профинтерна отказываться от переговоров с Амстердамом? Мы до сих пор ни разу не отказывались и не отказываемся и не должны отказываться воспользоваться всяким случаем, каждой возможностью, чтобы развернуть свою и выявить их настоящую линию. Заставить их высказать открыто свою линию перед лицом широких масс. От этого мы не отказываемся и от этого не должны отказываться французы, не должны отказываться немцы, не должен отказываться никто. Товарищ Монмуссо ставит правильно вопрос, он ставит во весь рост вопрос

об об'единении французского рабочего движения. Правильно ставит! Товарищи, резолюцией русской делегации мы предлагаем настоящему конгрессу поставить во весь рост перед рабочими массами и перед всеми профессиональными союзами вопрос о едином Интернационале. Мы предлагаем не только поставить этот вопрос, но и понять, что это не есть агитационный вопрос, а вопрос насущной важности для борьбы пролетариата. Конечно, реформисты подхватят и речь Монмуссо, и мою речь, и речь всякого, кто будет выступать по этому вопросу; они будут пытаться изобразить дело так, что мы хотим взорвать Амстердам, что это лишь агитационный козырь. Каждый член Профинтерна должен сам понять и раз'яснить массам, что это не так. Кон'юнктура рабочего движения властно диктует это в интересах об'единения экономических сил пролетариата в его борьбе, в интересах достижения революционного руководства рабочим движением, его оздоровления от наростов реформизма. В силу всего этого, в интересах осуществления действительно классовой политики, мы должны понять, что это не есть маневр, агитационный ход, а что это есть важнейшая для рабочего движения, поставленная перед нами историей и требующая разрешения, проблема. И если даже у амстердамцев разделились голоса, если там некоторые из правых колеблются по этому вопросу, а другие оказывают бешеное сопротивление и ведут дикую агитацию, как Зассенбах и Лейпарт, то это показывает, что они чуют, что это не есть агитационный ход, но что это — начало штурма их крепости! Быть может, реформистам удастся этот вопрос смазать и оттянуть его решение еще раз, быть может, им удастся затормозить его решение не только на несколько месяцев, а на год, но мы должны ясно понять, что мы идем на штурм цитадели реформизма, что мы об'являем атаку на эту реформистскую крепость, что мы пойдем дружно и все вместе, чтобы лицом к лицу схватиться с врагом в последней схватке, и увидим, в чьих руках будет победа: у реформистов или у революционного, не только на словах, а на деле, крыла международного рабочего движения. Я уверен, что победа будет на нашей стороне.

Речь тов. Томского на Гуллльском конгрессе тред-юнионов,

произнесенная 4-го сентября 1924 г.

Томский. — Товарищи, я счастлив выступить, впервые в истории рабочего движения, от имени русских союзов перед Конгрессом английских тред-юнионов. Я счастлив потому, что за все время существования русские союзы впервые выступают на вашем Конгрессе. Я счастлив и потому, что мое неоднократное пребывание, в последнее время, в Англии в качестве дипломата — представителя Советского государства — научило меня больше понимать, больше уважать и больше ценить английский рабочий класс, и особенно я счастлив потому, что теперь я имею возможность действительно на широком собрании представителей английского рабочего класса выступить уже не как дипломат, — а сие удовольствие мне надоело по горло и я не рекомендую и вам заниматься этим делом, — а в качестве представителя российского профессионального движения, российских рабочих, организованных и сплоченных в централизованную организацию, насчитывающую около 6 милл. человек. Я счастлив приветствовать Конгресс, представляющий английский рабочий класс, от имени организованного русского пролетариата. И я считаю своим долгом в первых же словах приветствия выразить свою благодарность английскому профессиональному движению и английскому рабочему классу, который является для всего мира дедушкой профессионального движения, за то, что у вас, товарищи, и на вашем опыте мы учились и, я думаю, не будет большой смелостью сказать, мы научились строить профессиональные союзы.

Правда, в построении наших союзов и ваших есть значительная разница. Мы имеем 23 национальных Центральных

Комитета, наше рабочее движение более концентрировано и более централизовано, чем ваше. Но если мы посмотрим на практику профессионального движения за последние годы во всем мире, мы увидим, как под давлением и в силу необходимости экономической борьбы рабочее движение неуклонно идет по пути к большей концентрации и большей централизации. Не потому, что это является следствием отвлеченного рассуждения и выбора более целесообразной формы, не потому, что эта форма политически и организационно более правильна, а потому, что в борьбе с концентрирующимся капиталом рабочему классу все чаще приходится сплачивать против него свои отдельные отряды в более крепкие, в более сильные боевые колонны. Весь опыт рабочего движения показывает, как от маленьких местных союзов рабочее движение идет к национальному об'единению, и, по мере того, как капитал интернационализируется, экономическая борьба волей-неволей, как доказали вам отдельные черты докладов других братских делегатов, принимает интернациональный характер. Мы видим перед собою процесс централизации организаций наемных рабочих, процесс создания международной организации наемных рабочих, тенденцию к превращению ее в классово-сплоченную организацию, противопоставляющую себя организации капитала. И тут, товарищи, что бы нам ни говорили, я думаю, что и вы согласитесь со мной, ибо вы выглядите далеко не простаками, — я думаю, что вы согласитесь со мной, что, когда класс капиталистов становится лицом к лицу с организованым классом наемных рабочих, начинается классовая борьба, а там, где идет борьба класса против класса, там уже не только экономика, а там и политика.

Как бы мы ни хотели укрыться от этого факта, как бы ни затушевывали это общими фразами о национальных интересах, о демократии, о практицизме профессионального движения, каждый из вас должен сознаться, что борьба класса против класса есть борьба не только экономическая, но и политическая, борьба, которая перерастает национальные рамки и интересы, борьба, в процессе которой подмена интересов классовых интересами национальными приводит к тому, что мы пережили, начиная с 1914 года и кончая моментом окончания войны. Подмена классовых интересов и классовой солидарности пролетариата общими фразами о демократизме, общими

фразами о национальных интересах, о сотрудничестве и совпадении интересов труда и капитала приводит к тому, что миллионы рабочих, в интересах капитала, идут брат на брата. Мы это видели, мы это все пережили, мы многому научились за это время. Я думаю, что, несмотря на то, что в данный момент наши профессиональные союзы построены так, а ваши построены иначе, несмотря на то, что у нас еще остается много взаимного непонимания, — история последних лет не способствовала нашему взаимному пониманию, — несмотря на это, товарищи, здесь, в Англии, и у нас, в России, и во всем мире рабочий класс многому научился за последние годы. Он научился ценить истинную сущность интересов национальных и интересов классовых и фраз о демократии и классовом примирении. Там, где лицом к лицу становятся класс наемных рабочих и класс капиталистов, нет и не может быть разговоров о примирении классовых интересов. Там есть единственно возможный вопрос — о борьбе классов.

Товарищи, я думаю, что представитель Америки, сказавший, что в этой империалистической войне нет победителей и все побеждены, прав, но только отчасти. Нет ни одной нации, т.-е. нет ни одного народа, который оказался бы победителем и получил счастье и довольство в результате войны. Но побежденная сторона есть, и этой побежденной стороной после империалистической войны оказался во всем мире рабочий класс. Везде и всюду в результате войны мы видим истощение производительных сил, понижение национального богатства, усиление налового гнета, — все это, целиком и полностью, ложится на трудящиеся классы. Есть и победители, но их нужно искать не только в отдельной стране, а во всех странах; этих победителей — кучка, это десятки, сотни и тысячи людей, которые хорошо нажились на военных поставках, хорошо заработали на чрезмерном, спекулятивном развитии военной промышленности. Но это все вместе взятое открыло глаза рабочему и многому нас всех научило. Мы видим, как везде и всюду война вскрывала перед миллионами рабочих масс все лицемерие, всю истинную сущность капитализма и всех его звонких фраз о демократизме, национальном достоинстве и т. п., мы видим, что рабочий класс во всем мире, в большей или меньшей степени, почувствовал, что ему мало ограничиваться внесением

поправок к законам, которые пишут и составляют для него капиталисты. Рабочий класс во всем мире ясно проявляет желание сам писать законы. Мы видим, как везде, и, в первую очередь, в Англии, рабочий класс проявляет аппетит к власти. Правда, профессиональные союзы Англии через рабочую партию, участвующую в настоящий момент в правительстве, находятся не в очень благоприятных условиях, но «аппетит приходит во время еды», и чем рабочие ближе будут подходить к власти, тем глубже они поймут смысл и значение ее и тем крепче будут за нее бороться. И когда теперь мы подходим к вопросу о войне, к вопросу для нас, для миллионов рабочих, весьма важному и серьезному, я считаю своим долгом напомнить об отношении русских рабочих к войне. Вы помните, товарищи, что под лозунгом «долой войну», под лозунгом «война — войне» русские рабочие и русские крестьяне, как наиболее пострадавшие от войны в стране наиболее нищей, разоренной, отказались в один прекрасный день от участия в войне, они сбросили то правительство, которое вело их на войну, они сбросили сначала царя, а потом и то правительство, которое хотело эту войну продолжать, и взяли власть в свои руки, и тогда нам, русским рабочим, говорили: вы безумцы, вы не сможете удержать власть в своих руках, потому что все великие державы, Англия и Франция в первую очередь, об'явят вам войну и раздавят вас.

Товарищи, мы верили в вас, британских рабочих, мы верили во французских рабочих и мы ответили: «Мы знаем, что английская и французская буржуазия наверняка об'явит нам войну, но мы не верим, чтобы английские и французские рабочие стали под винтовку и пошли громить своих братьев, впервые в мире взявших власть в свои руки». И мы не ошиблись. И я считаю долгом еще раз поблагодарить за это английских рабочих. Если мы отбили интервенцию, если мы отстояли на всех границах, на протяжении тысяч верст, свою власть и свое право строить жизнь, как нам хочется, то не только потому, что наши рабочие и крестьяне геройски сражались на фронтах,—это само собой разумеется,—это не только заслуга нашей пролетарской Красной Армии, но также и громадная заслуга французских и английских рабочих, которые имели мужество сказать на весь мир: «Руки прочь от Советской России»!

И, конечно, для трудящихся всего мира попрежнему стоит во весь рост грозный вопрос о войне, —изжита ли опасность войны, возможна ли теперь и в дальнейшем война? И всякий из вас, товарищи, кто оглянется на время, прошедшее после подписания Версальского мира, скажет, что эти опасности ни в какой степени не изжиты. Мы видели Версальский мир, предложивший за счет Германии компенсировать всем победителям убытки от войны. Мы видим перед собой специальную организацию, которая должна предотвратить отдельные государства и весь мир от ужасов войны, эта организация — Лига Наций. И что же, разве мы не видели первого плана экспертов и теперь — второго плана экспертов? Разве мы не видели, как, на основании и во исполнение, и в подтверждение «миролюбивого» плана, железной рукой взяли за горло истерзанную и разоренную Германию, разве мы не видим, возмущающее всех нас, известное рурское насилие, разве есть в ком-нибудь искреннее убеждение, что известный проект Дауэса гарантирует мир всему миру? Нет, товарищи, такой гарантии нет! Мы видим, что так же, как в старые годы, яблоком раздора служил пресловутый балканский вопрос, так теперь таковым может явиться Германия. Но между этими государствами и Германией колоссальная разница. На Балканах мы видели разобщенные, экономически отсталые, слабо культурные народности; другое мы видим теперь перед собой: центр Европы, 70 миллионов трудолюбивого, культурного народа, национально твердо сплоченного, чуждого всякому национальному гнету, чувствующего всю несправедливость учиненного над ним насилия, потому что войну учинили и вели не германские рабочие, а капиталисты во главе с кайзером. Что предлагает план Дауэса? Он предлагает новые репарации. Но, чтобы Германия их выплачивала, она должна иметь активный государственный баланс, иначе ее марка полетит вниз. А чтобы иметь его, она должна вывозить больше, чем ввозить, вступить в конкуренцию с Англией, Францией, а для этого она должна понизить реальную заработную плату в Германии, о чем и упоминает план экспертов. А чтобы спасти свою промышленность от этой конкуренции, Франция и Англия должны загородиться новыми таможенными загородками или в свою очередь понизить заработную плату английским и французским рабочим. Вот порочный круг, из которого нет выхода.

Это есть очередной план эксплоатации трудящихся слоев германского народа и, в первую очередь, рабочего класса, план, который даже тем, кто хочет из этого извлечь доход, ничего гарантировать не может, кроме новых комиссий экспертов, новых рурских и рейнских вопросов, новых очередных удушений и насилий над Германией. И когда перед нами встает вопрос: как же германский парламент согласился на это, одобрил этот план? — мне хочется привести один пример. — Когда человеку предлагают на выбор: «Что ты хочешь, чтобы тебя повесили тотчас или в будущем году?», он, по своему благоразумно, отвечает: «Уж лучше в будущем году». — Вот какова сущность согласия германского парламента. Товарищи, когда неоднократно железные руки империалистов тянулись к горлу Советской России, английский рабочий класс сумел создать новую организацию — «Руки прочь от Советской России», и я счастлив здесь, от имени русских рабочих, выразить благодарность председателю этой организации тов. Перселлю. Товарищи, над германскими рабочими производят очень жестокие опыты. Мир всего мира в опасности! Позвольте выразить уверенность, что, когда железная рука схватит за горло, чтобы додавить германского рабочего, английские рабочие сумеют авторитетно и твердо сказать: «Руки прочь от горла германского рабочего!».

Есть один только путь обеспечить мир во всем мире. Этот путь — твердая воля, сплоченность и солидарность трудящихся. Только действительно активное сплочение наиболее заинтересованных в вопросах войны, наиболее обездоленных слоев во всем мире, именно рабочих, их твердое желание, их твердая воля, их братская солидарность и спайка — могут обеспечить и гарантировать необходимый для всего человечества мир. И я уверен, товарищи, что если еще раз весь мир будет поставлен перед опасностью войны, мы, рабочие всех стран, найдем в себе мужество, найдем общий язык и единодушно крикнем: «Долой войну».

Библия говорит, что бог одним словом создал свет, сказав: «Да будет свет»! Я не берусь судить о правдоподобности этого, но я уверен в том, что если ряды пролетариата в международном масштабе будут твердо сплочены и спаяны в вопросе о войне, то, кто бы ни сказал: «Да будет война», — достаточно будет десяткам миллионов трудящихся ответить одним словом: «Да будет мир»!—и будет мир!

Товарищи, ознакомившись с речью, по вопросу о русских, которую на Конгрессе произнес т. Крамп, я не могу не остановиться, хотя бы в трех словах, на этой речи, являющейся выражением, в некоторых частях, верной прекрасной мысли. Тов. Крамп сказал три прекрасные вещи. Первая — то, что мы, русские, не ангелы, в чем я с ним целиком согласен. Далеко не ангелы, ибо ангелы революции не делают. Но в то же время мы не такие страшные, как изображают нас на фильмах западно-европейских буржуазных кинематографов. Мы такие же рабочие, как и вы. И когда т. Крамп в дальнейшем говорит, что отношение к русским должно быть основано на условиях равенства, то мы считаем, что это золотые слова. Мы просим и добиваемся везде и всюду только одного— чтобы к нам и как к государству, и как к рабочей организации, относились, как равные к равному. Мы ни капельки не претендуем на большее. Мы отдаем должное опыту, дисциплинированности и культурности западно-европейского пролетариата, но, тем не менее, мы считаем, что в рабочей среде нет и не может быть ни побежденных, ни победителей. Несмотря на то, что никто нас, как государство рабочих, не победил, тем не менее, до сих пор, когда с нами кто-нибудь начинает (из других государств) говорить,—с нами говорят, как с побежденными. Но это дела государственные, я не буду на них останавливаться, а мне хотелось бы развить мысль т. Крампа о равенстве по другому вопросу, по вопросу, наиболее важному для Конгресса, по вопросу, к которому сейчас приходит все рабочее движение. Логика классовой борьбы, логика экономической борьбы, логика происходящих в Европе и во всем мире политических событий приводит нас к вопросу о необходимости единства рабочего движения. И по этому вопросу мы просим вас, западно-европейских товарищей: «Товарищи, относитесь к нам, как к равным». Мы просим одного: не рассматривать нас, как побежденных. Между нами и представителями других рабочих организаций Западной Европы есть много и много, мы не скрываем этого, принципиальных, идейных разногласий. Тов. Крамп сказал, и я хочу следовать его примеру, что мы должны быть искренними, и вы видите из моей речи, что я ни минуты не хотел скрывать своих идей, если бы даже в этом зале нашлось много товарищей, которые не вполне со мной в этом

отношении согласны. Искренность ко многому обязывает, и я позволю себе в вопросе о единстве быть искренним до конца. Между нами есть принципиальные разногласия, есть идейные разногласия со многими представителями, вождями западно-европейского и американского рабочего движения. Мы этого не скрываем. Но неужели, чтобы достигнуть единства, кто-нибудь может требовать от нас отказа от наших идей, которыми мы жили, за которое боролись и платили кровью? Мы доказали всем, что за эти идеи мы умели платить кровью и умели их, плохо ли, хорошо ли, осуществить и претворить в жизнь. Давайте говорить на началах равенства, если у рабочего класса есть общее,—а у него есть общее, у рабочего класса всего мира есть общность интересов лиц, занятых по найму, против интересов господствующих, эксплоатирующих классов. Давайте об'единимтесь на этой платформе, давайте вместе рука-об-руку, бороться за интересы рабочего класса, вместе действовать, — сохраняя и помня наличие наших разногласий. И вот почему я думаю, что т. Удегест не вполне прав, когда говорит, что двери Амстердамского Интернационала открыты для всех. Тов. Удегест и многие другие забывают кое-какой факт, — тот факт, что после войны мы, русские союзы и русские рабочие, были обнесены и с суши, и с моря колючей изгородью, мы не имели возможности встретиться и пожать руки кому-нибудь из западно-европейских или американских братьев. Мы стучали в закрытые двери не раз, мы не раз пытались прорвать эту колючую изгородь, но мы слышали ответы. вернее, сначала совсем не слышали, а потом слышали, порой очень неприятные ответы. Я не хочу здесь полемизировать. И это, и многое другое повело к созданию нового Интернационала профессиональных союзов. Плох-ли, хорош-ли он, многое в нем может многим не нравиться, но то, что он существует, есть факт, и кто проходит мимо этого факта, делает ошибку. И это тем хуже для того, кто ошибку допускает, но не для факта. Есть специальный, особый Московский Интернационал, в который входят Всероссийский Центральный Совет и русские союзы. Правда, многие английские товарищи нам говорили и жаловались на то, что москвичи и Московский Интернационал слишком сильно ругают вождей западно-европейского профессионального движения. Может быть, и так. Но, если мы не хотим, чтобы была ругань, сольемте оба Интернационала и

создадим единый Интернационал. Создадим единый Интернационал, не считаясь с вопросами «о достоинствах», с самолюбием вашим и нашим, но считаясь с тем, что есть свыше 10 милл. организованных рабочих Московского Интернационала и Амстердамский Интернационал, об'единяющий до 15 милл. рабочих. Давайте, откинув ложное самолюбие, говорить действительно по-деловому, как создать этот новый Интернационал, без всяких «условий», без того, чтобы вы нам ставили предварительные условия или мы вам ставили какие-нибудь условия. Условие для нас важно одно — интересы международного рабочего движения. И когда мы подходили к этому вопросу, мы, русские профессиональные союзы, много раз пытались говорить об этом, и для нас слово Конгресса английских тред-юнионов — в этом отношении чрезвычайно важно. Сейчас к тому, что говорится здесь прислушиваются рабочие всего мира с большим вниманием, чем прислушивались к Венскому Конгрессу. Вам дано сейчас особо исключительное положение в международном профессиональном движении, вы являетесь не только супер-арбитрами, но гегемонами в международном профессиональном движении. Но, товарищи, мы уверены в том, что английские рабочие, проявившие инициативу в этом вопросе, впервые поднятом ими совместно с известным нам всем тов. Фимменом на Венском Конгрессе, по английскому обычаю, хорошо завершат, хорошо начатое, дело. Мы уверены, что в этом вопросе английскому рабочему достаточно сказать: «Да будет единство»! и будет единство. Единство зависит от вас. Мы, русские союзы, и те союзы, которые идут за нами, выражаем полное согласие, горячее желание вместе с вами и другими рабочими вместе жить и вместе работать, несмотря на наши идейные разногласия. Пусть каждый из нас честно отстаивает те идеи, которые он считает правильными и справедливыми, и давайте вместе бороться против общего врага, и позвольте мне, товарищи, здесь выразить горячее желание русских рабочих о том, чтобы русские, английские, германские и рабочие всего мира создали действительный, против капитала построенный, единый, крепкий пролетарский Интернационал.

Да здравствует единство рабочего движения! Да здравствует пролетарская солидарность! Да здравствует единый рабочий Интернационал!

О международной работе ВЦСПС.

(Из отчета тов. Томского VI С'езду профессиональных союзов СССР).

Считаю долгом коснуться одной из важнейших отраслей нашей работы—международной работы.

Письма, которые мы писали Амстердамскому Интернационалу до 1 января 1924 г., и те ответы, которые от него получали — эта глава нашей международной деятельности, взаимоотношений с Амстердамским Интернационалом, напоминает собой очень плохой, недорогой роман в письмах (с м е х). Мы пишем ему, он пишет нам, мы пописываем, они отписывают, оба одинаково любезны, оба одинаково горячи. Причем, роман этот напоминает роман в гамсуновском стиле, когда оба друг друга любят и оба друг другу говорят пакости! (с м е х).

После 1 января 1924 года проблема единого фронта и проблема общего профессионального об'единения ставится в несколько иную плоскость. Перед нами, в связи с установлением тесной связи с английским рабочим движением, становится все яснее и яснее проблема создания более серьезной организации единства профессионального движения. Первое выражение это наше стремление получает в резолюции, телеграмме, которая подписана тов. Догадовым, и послана Венскому Конгрессу Амстердамского Интернационала на имя т. Перселля:

«По поручению пленума ВЦСПС, Президиум с удовлетворением отмечает выступление представителей английских профессиональных союзов на конгрессе в Вене в пользу сближения Амстердамских союзов с союзами СССР. Пленум со своей стороны заявляет о полной готовности при известных условиях пойти навстречу предложению английских союзов, которое совпадает, без сомнения, с желаниями лучшей части профессионально организованных рабочих всего мира».

В ответ на это, Венский конгресс, по инициативе, главным образом, английской делегации, один из членов которой, т. Перселль, здесь присутствует, и небезызвестного деятеля международного движения Эддо Фиммена, поставил вопрос об отношении к русским союзам, и в результате обмена мнений и их столкновений Венский конгресс вынес, как всегда, компромиссную резолюцию, которая считала необходимым вовлечь во II Интернационал русские профессиональные союзы. Эта резолюция имела целый ряд оговорок и оговорочек; одна из них предусматривает «присоединение путем обязательного присоединения их (т.-е. наши союзы) к статутам и условиям нашего Интернационала», вторая оговорка: «поскольку это совместимо с достоинством международного об'единения профессиональных союзов». Эту резолюцию мы получили в июле в виде письма Амстердамского Интернационала. Я думаю, что не стоит оглашать это письмо, потому что оно было опубликовано в газетах, но это письмо в основном содержит опять продолжение и отзвук переговоров и наших встреч, но с приведением резолюции Венского конгресса, как базы и платформы для переговоров. Мы на это предложение не могли ответить иначе, как так, как мы ответили. Мы заявили, переговариваться мы желаем, но считаем несправедливым, глубоко несправедливым, при переговорах предписывать с чьей бы то ни было стороны какие-нибудь условия, что среди рабочих организаций не может быть такой постановки вопроса, что «мы желаем с вами разговаривать на следующих условиях». Когда мы будем говорить об об'единении, тогда можно сказать, что мы с вами согласны об'единиться «на следующих условиях». Но неужели для того, чтобы встретиться и разговаривать, необходимо признание со стороны будущего собеседника каких-то предварительных условий?

После этого было получено второе письмо. О чем же оно говорит? — О том, что мы устанавливаем, что между нами и ими существуют разногласия в тактике и политике, причем разногласия больше, «чем просто тактические разногласия». Поэтому они желают иметь от нас в письменном виде изложение наших принципов. Т.т., мы, конечно, ни на минуту не сомневаемся, что Амстердамский Интернационал прекрасно знает наши принципы. После той переписки, которая была, после всего этого, после постановления Венского конгресса,

писать—«расскажите нам, како вы веруете»—ей-ей, это очень наивно, если не сказать больше. Потому что, что же это значит, как не то, что Венский конгресс Амстердамского Интернационала не знает, что такое Союз Советских Социалистических Республик, не знает ни нашей платформы, ни нашей деятельности и просмотрел 6 лет деятельности рабочего движения, которое насчитывает в своих рядах 6.000.000 членов; однако, в таком невежестве нельзя упрекнуть Амстердамский Интернационал, потому что там сидят люди просвещенные, политики и деятели рабочего класса, а раз они нас знали и на основе этого знания вынесли решения о необходимости вступить в переговоры, то чего же они в таком случае хотят от нас сейчас? Мы ведь не скрывали от них того, что основной наш принцип, это — беспощадная борьба с капиталистами и что никакого соглашения с ними (капиталистами) мы не допустим. Мы указали, кроме того, в письме, что мы не прочь, при личной встрече, более обстоятельно развить основные принципы нашего движения.

Но в конце-концов я с глубоким сожалением принужден констатировать, что продолжается все тот же скверный роман, хотя и в более смягченных тонах, все та же переписка, как будто бы мы такие страшные, что даже встретиться с нами опасно для политической невинности деятелей Амстердамского Интернационала!

Констатируя это, я в то же время считаю, что наша политика была правильной, и что мы, несмотря на затруднения, которые большинство Амстердамского Интернационала нам ставит (говоря о большинстве, я точно отделяю деятелей бюро Амстердамского Интернационала, с которыми ни в какой степени не хочу смешивать т. Перселля, председателя Амстердамского Интернационала, который в меньшинстве, и которому, как представителю такового, не всегда эта политика по вкусу, но, состоя в организации, ему приходится исполнять ее дисциплину), достигнем лучшего положения, но я не сомневаюсь, что если бы это зависело от английских т.т., мы бы, конечно, этот вопрос двинули гораздо дальше, чем он стоит в настоящий момент. Но должен сказать, что целиком и полностью я удовлетворен вчерашним заявлением ответственного руководителя английских рабочих т. Перселля, и думаю, что он верно и ярко выражает настроение английских рабочих, говоря, что «мы,

английское профессиональное движение, твердо считаем, что если Амстердам не может этого сделать, то наша задача заставить его осуществить это».

Я уверен, что у английских т.т., у английских рабочих и их представителей слово не разойдется с делом. И когда, действительно, мы совместно увидим, что всякое человеческое терпение истощается на подобной переписке, когда после нескольких лет переписки, взаимной ругани и обстрела из легких и тяжелых орудий, нас спрашивают — скажите, пожалуйста, «како вы веруете» и каковы принципы вашего движния,—то я думаю, что мы скоро дойдем до того, что из Амстердама напишут запрос — скажите, пожалуйста, вы брюнеты или блондины? (Смех, аплодисменты).

Вполне понятно, что тем, кто фактически руководит Амстердамом, а фактически руководит германская социал-демократическая партия через Лейпарта и других, фактически руководят люди, близко связанные с германией социал-демократической партией и II Интернационалом, — конечно, им не хочется соприкасаться с зараженными коммунизмом предетавителями русских профессиональных союзов. Но я думаю, что перед рабочим классом всего мира ясно вырисовывается то, что казалось еще недавно сомнительным и по поводу чего, когда я говорил на III конгрессе Профинтерна, были некоторые сомнения у некоторых западно-европейских т.т., причем они возникали у них тогда, когда я говорил, что еще не останавливается наступление капитала и что оно будет продолжаться, —в правильности этого положения сомневались. Я думаю, что теперь ясно для всех, что наступление капитала не приостановлено, как вы вчера видели из прекрасной речи т. Зиновьева, не приостанавливается оно и в экономической области. Мы знаем, что политика никогда не расходится с экономикой. «Политика — концентрированное выражение экономики», — как говорил Владимир Ильич. И с того момента, когда тори стали у власти в Англии, по мере их правления должно будет итти и экономическое наступление капитала на рабочий класс. Иначе капиталисты не были бы капиталистами, а будучи у власти они не могут забыть экономических интересов. Это было бы чепухой, вздором, абсурдом и ересью. Капиталисты лучше кого бы то ни было знают свои экономические интересы и умеют их защищать, что они неоднократно доказывали.

В настоящее время мы стоим перед новой волной наступления капитала. Она поднялась в Германии политическими репрессиями, и разгромленный сначала политически фронт рабочих будет потом разгромлен экономически. Не понять этого, не видать этого нельзя. Тот, кто этого не видит, не понимает того, что западно-европейской промышленности тесно, что она не имеет внешних рынков, что для того, чтобы завоевать этот рынок, перед промышленностью каждой страны, Англии, Франции или Германии, стоит вопрос о том, как удешевить себестоимость производимых той или другой страной товаров. Тот же вопрос, который стоит и перед нами, вопрос о том, как добиться дешевых товаров, но в другой классовой обстановке.

И здесь первое, чему уделяется внимание, это, конечно, рабочий вопрос: в Западной Европе свободных капиталов нет, а если и есть, то их боятся вкладывать в долгосрочное, сложное, дорогостоящее переоборудование предприятий.

Для всякого ясно и очевидно, что общий вой западно-европейских капиталистов заключается в том, что сейчас невыгодно работать — рабочие руки дороги, товары дешевы, деньги колеблются — невыгодно работать. — И это общий разговор. Мне самому приходилось видеться с капиталистическими дельцами в Англии, и они единогласно говорят, что невыгодно работать, что для того, чтобы было выгодно, нужно нажать на рабочих. — Вот где лежит неизбежность новых экономических наступлений на рабочий класс. И те, кто не понимает, что на чашке весов борьбы капиталистов с рабочими шесть миллионов русских рабочих, стоящих у власти во главе большого, значительного, величайшего хотя и бедного, государства, которое, волей или неволей, а должно быть признано западно-европейскими капиталистами, — кто не понимает, что они на этой чашке весов кое-что да значат, кто этого не понимает, тот ничего не понимает в задачах и стратегии классовой борьбы.—Нам нужно единство, потому что мы чувствуем грядущие бои на Западе, в которых должны будут принять участие западно-европейские рабочие, — а то, что касается западно-европейских рабочих, то близко, дорого и кровно и каждому русскому рабочему, ибо их поражение есть и наше поражение, ибо фашистское движение, став сегодня у себя на путь политической реакции, потом перекинувшись на экономи-

ческий фронт,—несомненно, будет угрожать и нам. Мы это понимаем. А те, кто не понимает, что в этой борьбе иметь своим союзником рабочий класс, организованный в профессиональные союзы и стоящий у власти в одной шестой части света, кое-что да значит,—скоро это поймут, потому что пролетарская часть, более сознательная часть рабочего класса заставит и научит их понять это.

Мы можем и имеем основания констатировать, что мы встречаем бешеное сопротивление, — не открытое сопротивление, а тупое, скрытое, пассивное сопротивление, — нам ставят рогатки, колючую проволоку, но мы, — русские рабочие, русские большевики, — и не с такими препятствиями справлялись. И когда мы намечали себе цель, то мы шли к ней прямо, твердо и решительно. Но, конечно, среди некоторых товарищей может явиться сомнение: а принципиально допустимо ли, возможно ли нам входить в один Интернационал профессиональных союзов совместно с социал-демократами, которые достаточно показали себя за эти 7 лет после войны, уже не говоря о том, что они представляли собой во время войны?—Мы им цену знаем и знаем цену их принципов. Конечно, будут сомнения: не пострадают ли наши принципы, не повлечет ли это принесения в жертву хотя бы части наших принципов?—Я думаю, товарищи, что мы свои принципы действительно выковали в горниле огня революции, что они закалены в гражданской войне и в двух революциях и еще раньше в революции 1905 г.; что мы показали, как нужно стоять за свои принципы не только в кабинетных дискуссиях, но мы дискуссировали за них и с пулеметами, и с винтовками в руках; что мы их проверили на опыте массового рабочего движения у себя в стране; что проверку этих принципов мы проделали с не менее «прекрасными» нашими русскими реформистами — меньшевиками; что в каждой ячейке профессионального союза, по каждому практическому вопросу, шла у нас проверка этих двух принципов и проверка оказалась не в пользу реформизма и меньшевиков: их принципы теперь где-то там далеко, а наши принципы осуществлены, закреплены и оформлены во всех отраслях рабочего движения и оправдали себя жизнью, что способствует неуклонному росту нашего движения. И где бы мы ни были, какую бы организацию ни создавали, мы ее создаем во благо и в интересах рабочего класса. И мы будем

работать с кем бы то ни было, кого бы ни послали нам западно-европейские рабочие, но от своих принципов мы не отступались и не отступимся. И если придется, на практике западно-европейского рабочего движения, совместно на практических вопросах применить наши принципы, мы с полной уверенностью пойдем на этот экзамен и будем проверять на опыте международного рабочего движения и борьбы рабочего класса наши, проверенные в огне революции, принципы. И мы уверены, что проверка будет в нашу пользу, в пользу большевистских, старых ленинских принципов рабочего движения! (Продолжительные, шумные аплодисменты).

Положение международного рабочего движения.

Доклад т. Томского на англо-русской конференции в Лондоне 6 апреля 1925 г.

— Товарищи, я стою пред опасностью повторения перед вами тех некоторых положений, которые, как-будто, нам всем очень хорошо известны. Тем не менее, я считаю необходимым более или менее обстоятельно изложить нашу (союзов СССР) точку зрения, чтобы подойти к тем выводам, к которым мы приходим, и чтобы эти выводы были ясны и для вас.

Мы полагаем, что никогда экономическая борьба рабочих за улучшение своего экономического положения и за осуществление своих конечных идеалов не требовала так настоятельно установления единства международного рабочего движения, как в данный исторический момент, который мы переживаем. Мы видим все, что капитал во всех странах, не в какой-нибудь одной, повсюду продолжает свое наступление на рабочих. В той или иной стране он на момент задерживает это наступление, приостанавливает его и затем снова переходит в наступление. Мы видим, что повсюду экономическое положение рабочих теперь хуже довоенного положения; в некоторых странах оно грозит и дальнейшим ухудшением. Мы видим на опыте угольной и металлической промышленности, что интересы капитала интернациональны; наиболее больные места — уголь и металл — вполне ясно показывают, что ухудшение экономического положения рабочих в одной стране немедленно отзывается на экономическом положении рабочих других стран. Если это верно по отношению угля и металла в Европе, то это столь же верно по отношению угля, металла и остальных отраслей промышленности в неевропейском масштабе, в общемировом масштабе. Мы

видим сейчас, что там, где экономическое положение рабочих хуже, где их организации слабее, где рабочие наиболее бесправны, где наиболее плохо рабочее законодательство, где капитал имеет возможность более откровенно и открыто эксплоатировать рабочих, не наталкиваясь на их организованное сопротивление в лице сильного тред-юнионистского движения, — там он имеет возможность конкурировать со странами, в которых лучшее положение рабочих, лучшее рабочее законодательство, сильнее сопротивляемость рабочих и где в силу этого, говоря на современном капиталистическом языке, «повышается себестоимость производства». Мы все ясно чувствуем даже на опыте такого передового капитала, как английский, что в данный момент, после войны, капитал идет не по линии усовершенствования орудий производства, дабы поднять производительность труда, а по линии наименьшего, на первый взгляд, сопротивления, наиболее беззастенчиво переходя к экстенсивному методу эксплоатации рабочей силы, удлинению рабочего дня и понижению заработной платы. Для всех очевидно, что если в одной стране рабочий-углекоп или металлист будет работать 8 часов, а в другой стране будет работать 12 часов, то это отзовется на положении рабочих, работающих 8 часов, тем, что они в силу промышленной конкуренции будут иметь не меньшее, а большее количество безработных, ибо их промышленность будет свертываться. Это верно по отношению ко всем капиталистическим странам с сильно развитой промышленностью, это же верно по отношению стран полуколониальных и колониальных. Мы видим, как американские предприятия переносятся в Египет, Китай, Индию. Мы видим, что война и Версальский мир даже такую страну с сильно развитой промышленностью, как Германия, превратили в полуколониальную страну, и там рабочий день в угле и металле стремятся подтянуть к 10-часовому рабочему дню. Все это вместе взятое достаточно указывает нам на необходимость единого, сплоченого, концентрированного международного рабочего движения.

Мы знаем, что минувшая война ни в какой степени не разрубила узел противоречий

капиталистического мира. Мы знаем, что те противоречия капитализма, которые вызвали эту войну, остаются в полной силе и теперь. Мы все знаем и видим, что попрежнему на островах и на побережьи Тихого океана стали сталкиваться и обостряться противоречия капиталистических интересов Америки и Японии. Мы видим, что и внешне-дружеские отношения между Францией и Великобританией непрочны. Мы видим, что Балканы попрежнему продолжают быть тем маленьким тлеющим угольком, из которого снова может вспыхнуть сперва костер, а потом и пожар мировой войны [1]). Мы видим попрежнему, что все капиталисты, пострадавшие от русской революции, являются тем ферментом контр-революционного брожения, который вызывает попытки и покушения на новую интервенцию СССР. На какую бы точку карты мира мы ни поставили палец, мы увидим, что повсюду рабочему классу угрожает опасность мировой войны. Наконец, мы знаем, что капитализм так же порождает войны, как цветок — аромат, без этого он не может быть, это его свойство. И мы знаем, что пока существует система капитализма, пока ее не уничтожат рабочие, до тех пор будут войны. В тот или иной момент они оттягиваются, замедляются в зависимости от степени сопротивления рабочих, степени их организованности.

Здесь мы подходим ко второму вопросу, к тому, что задача рабочей организации не исчерпывается только экономическими интересами, что экономические и политические интересы рабочих в данный момент сливаются. Общие задачи классовой борьбы рабочих против капитала из оценки всего международного положения сугубо требуют все того же единства международного рабочего движения не в узких формах национальных об'единений, не в узких рамках «континентальных об'единений». Идею «континентальных интернационалов» мы поэтому считаем неправильной и ошибочной. Но у нас сейчас есть не один, у нас есть несколько интернационалов. Мы видим в Америке свой Интернационал, в Европе мы видим Амстердамский Интернационал, в который входят бри-

---

1) Речь тов. Томского была произнесена до разыгравшихся событий в Болгарии. Эти события лишний раз подтверждают правильность высказанных тов. Томским опасений, что искра новой войны может вспыхнуть на Балканах. *Ред.*

танские союзы, мы видим Профинтерн — Московский Интернационал, в который входим мы, мы видим Интернационал анархистов, мы видим целый ряд национальных об'единений, не входящих ни в какой из существующих интернационалов. Наконец, и сами национальные об'единения, за редкими исключениями, не едины. Мы видим три организации в Чехо-Словакии; мы видим две почти равносильных организации во Франции; мы видим в целом ряде других стран двойное и тройное профессиональное движение, в то время как капиталисты прекрасно понимают свои интересы, — по отношению к рабочим капитал всегда выступает единым. Даже тогда, когда капиталисты дерутся между собой за дележ рынков, за право эксплоатации рабочих отсталых национальностей, даже тогда по отношению к рабочим их политика едина. Поэтому мы считаем неправильной идею «континентальных интернационалов», поэтому мы считаем вредным для дела классовой борьбы рабочих существование нескольких интернационалов, которые в сущности группируют рабочих по их политическим убеждениям. Перед лицом капитала, в борьбе за свое окончательное освобождение, мы считаем, что рабочий класс един, и у рабочих всех стран, независимо от их национальностей, религиозных и политических убеждений, есть одно общее, что их об'единяет, — общность их экономических, классовых интересов, как продавцов своей рабочей силы, в их борьбе против всей системы капитализма и против покупателей этой рабочей силы — класса капиталистов.

Мы поэтому считаем, что предпосылкой единства международного рабочего движения в широком масштабе является необходимость единства в национальном масштабе. Конечно, мы знаем, что нас пытаются во многих враждебных нам кругах изобразить так, что мы, выступая за единство рабочего движения, стремимся на самом деле к каким-то расколам. Наоборот, с полным сознанием своей ответственности перед лицом представителей английских тред-юнионов мы говорим, что мы за единство национального рабочего движения. Мы считаем, что без национального единства не может быть международного единства, не может

быть крепкого, дееспособного Интернационала. А положение рабочего класса во всем мире, опасность войн и задачи экономической борьбы таковы, что они требуют не только роста механической связи, но они требуют крепкого, сплоченного, концентрированного рабочего движения в едином, крепком и дееспособном рабочем Интернационале.

Для того, чтобы определить, дает ли выход из создавшегося положения резолюция Стенгуиса, принятая Генеральным Советом Международной Федерации профессиональных союзов [1]), мы должны немножко оглянуться на то, что представляют собою советские профессиональные союзы. Я позволю себе в нескольких словах обрисовать их историю.

В 1917 году русские рабочие свергли капиталистическое правительство и взяли власть в свои руки. В январе 1918 года наш первый с'езд профессиональных союзов постановил единогласно о том, что задача русских союзов — стремиться к установлению связи с западно-европейским рабочим движением. Во исполнение этого постановления в 1918 году мы два раза обращались ко всем рабочим организациям по единственно доступному нам тогда способу, так как мы были кругом блокированы, — по радио. Больше того: при первой возможности мы нашли доступ и отдельными письмами пытались восстановить наши связи с западно-европейским рабочим движением, — мы не получили на это никакого ответа. В 1918 г., если мне память не изменяет, в Берне состоялась первая международная конференция профессиональных союзов побежденных стран под руководством германских профессиональных союзов из германских, австрийских и профессиональных союзов прочих стран, которые во время войны были на стороне германской коалиции. Хотя конференция эта происходила спустя несколько месяцев после русской революции, мы видели, что там не было ни слова сказано о ней, не было дано ей никакой оценки, не было никакого желания посмотреть, что делается в России, что делают русские рабочие. Мы не видели с той стороны никакого доброго желания установить хоть какие-нибудь сношения с нами. Хуже дело обстояло в тот момент в отношении французских и английских профессио-

---

1) Амстердамский Интернационал.

нальных союзов, которые были еще дальше от нас и с которыми труднее было восстановить связь.

Мы упорно повторяли эти попытки в 1919 году, они тоже ни к чему не привели. Мы видели, что центром рабочего движения в 1919—1920 г.г. становится Бюро Труда при Лиге Наций. Мы же не могли добиться никоим образом, чтобы с нами, профессиональными союзами русских рабочих, хотя бы кто-нибудь захотел разговаривать. Капиталисты блокировали нас, как государство; профессиональные союзы Западной Европы, в лице их Интернационала, блокировали нас, как профессиональные союзы революционых рабочих, изолировали нас от международного профессионального движения.

Все это вместе взятое вынудило нас в конце этого года создать новый Интернационал профессиональных союзов, — он жил, развивался и рос. Он рос, конечно, в борьбе. С того момента, когда мы организовали этот Интернационал совместно с представителями других союзов, только тогда нас заметили, и это «внимание» выразилось в том, что нас начали весьма энергично ругать. Каждая драка имеет своих «вегетарианцев», рекомендующих другой стороне не сопротивляться. Мы все знаем, что если бьет одна сторона, а другая сторона не вегетарианствует, она дает сдачу. Конечно, это не содействовало единству международного профессионального движения. Мы можем документами доказать и развернуть всю нашу переписку с Амстердамским Интернационалом. Она имеет два периода. Первый период, когда переписка сводится к переписке полемической. Переписка как-будто по внешности и с той, и с другой стороны ведется вокруг вопроса о необходимости создания единого фронта для борьбы с наступлением капитала. Фактически же это была полемика перед всем миром, притом в довольно резкой форме.

Второй период нашей переписки с Амстердамским Интернационалом относится уже к «новой истории». Эта «новая история» начинается с Венского конгресса [1]), на котором застрельщиками, инициаторами дела единства явились с одной стороны представители британских тред-юнионов (от которых выступал официально Брамли [2]), с другой стороны — т. Эддо

---

[1]) Венский конгресс Амстердамского Интернационала состоялся в середине 1924 г.

[2]) Секретарь Генерального Совета британских тред-юнионов.

Фиммен [1]). Я утверждаю, что с этого момента начинается вторая стадия нашей переписки. Если вы просмотрите эту переписку внимательно, вы увидите, что с нашей стороны действительно была проявлена добрая воля и желание встретиться с представителями Амстердамского Интернационала, постараться найти общий язык, выяснить то, что нас разделяет, и найти то общее, на чем мы можем об'единиться, для того, чтобы действительно, не на словах, не только в полемике говорить о единстве международного рабочего движения, а приступить к его практическому осуществлению, считаясь с фактом того, что мы, русские профессиональные союзы, находимся в другом Интернационале. Уже тот факт, что мы начинаем говорить с Амстердамским Интернационалом, а не Профинтерн, свидетельствует о том, что с Профинтерном никто не желает разговаривать, хотя за Профинтерном, помимо русских союзов, стоит половина французского профессионального движения, около половины чехо-словацкого и т. д. Никто с Профинтерном не пожелал разговаривать о том, как, наконец, установить единство международного профессионального движения. Все, наконец, знают, что наши различные профессиональные союзы СССР неоднократно обращались с тем же предложением к различным международным секретариатам. Все 23 Центральных Комитета профессиональных союзов СССР настойчиво добивались (перед международными секретариатами профессиональных союзов) о включении их в общее русло рабочего движения. Наши центральные комитеты получали до сих пор один ответ: «До тех пор, пока вы не войдете в Амстердамский Интернационал, до тех пор, пока не признаете наших статутов и резолюций, пока не измените своей тактики, мы с вами разговаривать не станем».

Товарищи, мы не меньше другой стороны признаем, что, конечно, есть очень многое, что нас разделяет, и мы тем не менее говорим: несмотря на то, что нас разделяет, если нас действительно об'единяют интересы всего рабочего класса,

---

[1]) Ген. секретарь международной федерации транспортников.

об'единяют задачи и интересы его международной борьбы с капиталом, неужели мы не можем выяснить то, что нас разделяет и что нас об'единяет, попытаться найти то общее, что нас об'единяет... Здесь я могу сказать, что нам до сих пор отвечали по-чиновничьи: «До тех пор, пока вы не войдете в Амстердамский Интернационал, пока не признаете статутов и резолюций, до тех пор мы не можем вас включить», — так отвечали нам по всему фронту всем нашим Центральным Комитетам. Один из наших Центральных Комитетов — союза пищевиков — включили в международное об'единение. Но теперь, вероятно, уже обсуждается вопрос о том, как его исключить. Совершенно неправильно ставят вопрос, — это можно видеть из всей переписки и всех действий, — пристрастно ставят по отношению к нему вопрос, несмотря на то, что наш союз пищевиков все делал для того, чтобы сохранить добрые отношения. Взять хотя бы письма, которые пишутся ему. Я утверждаю, что вы не найдете в переписке всех международных секретариатов аналогичных по грубости писем. Только р у с с к о м у союзу пищевиков пишут такие письма. Так пишет только сюзерен своему вассалу, но никогда рабочая организация — рабочей организации. Вот как обстояло здесь дело.

В чем же заключалось наше желание, наши «большие» требования, направленные к представителям международной федерации профессиональных союзов. Мы говорили: давайте, за одним столом встретимся, выясним то, что нас разделяет, поищем общее, что нас об'единяет. Исходя из интересов международного профессионального движения, найдем общие пути и общие организационые формы для того, чтобы об'единить международное рабочее движение. Нам на это отвечали (до последнего заседания): «На основе признания наших статутов и наших резолюций...» Хотя, как вы знаете, мы вполне резонно отвечали, что трудно требовать от людей признания тех резолюций, в обсуждении и принятии которых они не принимали никакого участия. В ответ на это мы выставили очень «радикальное» требование: давайте, встретимся без всяких предварительных условий!

Входя в Профинтерн, мы во имя дела единства не стали цепляться за формальности и проявили полную добрую волю, именно к тому, чтобы встретиться, выяснить, найти общие

формы, приемлемые для обеих сторон, не цепляясь за формальности. Мы сказали: давайте встретимся и заслушаем хотя бы разумные предложения той и другой стороны. Там, где две стороны сходятся, встречаются, они могут во многом не согласиться, но надо поискать то, на чем можно согласиться. Как же иначе осуществить единство международного рабочего движения перед лицом существующего в нем раскола? Как обеспечить единство рабочего движения во Франции, в Чехо-Словакии? Во Франции существуют две конфедерации профессиональных союзов, не такие сильные, как об этом пишут, но у них приблизительно одинаковая система исчисления своих членов и они приблизительно равны. Мы требовали только одного: давайте, сойдемся без всяких предварительных условий, а нам все время говорили: только для того, чтобы с вами разговаривать, только для того, чтобы с вами встретиться, — для этого вы должны выполнить те или иные условия... Мы утверждаем, и я думаю, что каждый здравомыслящий человек с этим согласится, что так говорят только с побежденными, что это непристойный для рабочей организации тон, непристойное отношение одной рабочей организации к другой рабочей организации...

Что же предлагает нам сейчас резолюция Стенгуиса [1]), которая принята большинством Амстердамского Интернационала? Она говорит: если вы заявите о своем желании вступить в Амстердамский Интернационал, то тогда лишь и только после этого мы согласны с вами встретиться. Я теперь спрашиваю товарищей: будьте добры, скажите об'ективно, есть ли это встреча без всяких предварительных условий или с предварительными условиями? Это то же самое — предварительные условия... Мы добиваемся только того, что совершенно справедливо выставила английская делегация в своей резолюции на Генеральном Совете Амстердамского Интернационала, она требовала того, чего мы добивались и продолжаем добиваться. Вот почему мы считаем, что мы были правы и доказали свою полную искренность в деле единства, заслужили абсолютное доверие английских товарищей. Они поняли,

---

[1]) Один из секретарей Амстердама, ген. секретарь голландского реформистского об'единения. Предложенная резолюция была принята исполкомом Амстердама 5—7 февраля.

что если бы тут была уступка со стороны большинства Амстердамского Интернационала, они бы не голосовали, наверно, против этой резолюции. Мы знаем товарищей Перселля и Брамли, мы знаем, что они не принадлежат к числу политически неопытных людей, не знающих, как голосовать.

Что же, по существу, представляет резолюция Стенгуиса? Попытку путем видимого компромисса, а на самом деле повторением того же, что было до сих пор, создать видимость уступки. Мы говорим: давайте, обсудим вопрос о единстве, о том, как его осуществить, мы согласны обсуждать в самой спокойной атмосфере каждое разумное предложение без всяких предварительных условий. Нам говорят: «мы согласны на уступки. Сперва вы заявите о том, что вы входите в Амстердамский Интернационал и тем самым разрываете со своим Интернационалом, выходите из него, а потом, после этого, мы согласны встретиться с вами». Я спрашиваю: что это—встреча и обсуждение вопросов без всяких предварительных условий или с предварительными? Мы утверждаем, что это то же самое, что было до сих пор. Что значит: принципиально изъявить желание о вхождении в Амстердамский Интернационал? Позвольте задать каждому об'ективно мыслящему человеку этот вопрос. Это значит: мы заявляем перед всем миром, что мы разрываем со своим Интернационалом, что нам нет никакого дела до того, что будет с французскими профессиональными союзами, которые были связаны с нами организационно; нет никакого дела до Чехо-Словакии, до других организаций, входящих в Профинтерн. Вот что это значит. Такие условия приписываются кому? Только побежденным... Наше рабочее правительство в свое время подписало позорнейший брест-литовский мир. Но тогда у нас стоял штык германского солдата у горла, солдата, который взял Псков, который двигался на Ленинград и Москву. Подписали мы мир с одним из самых сильных империалистических правительств, с кайзерским правительством Вильгельма. А со стороны рабочей организации пристойно ли по отношению к другой, ни в чем, никак не побежденной рабочей организации, предлагать такой брестский мир? Мы считаем это неправильным, несправедливым, мы считаем это недостойным со стороны рабочей организации.

Я спрашиваю товарищей: дает ли резолюция Стенгуиса нам хоть какую-нибудь гарантию в том, что, приняв ее, приняв это предложение, мы хоть в какой-нибудь степени гарантированы осуществлением не на словах, а на деле единства международного рабочего движения? Если теперь, когда мы входим в другой Интернационал и не вошли в Амстердам, с нами говорят, как с побежденными: «Мы с вами поговорим после того, как вы к нам войдете», то когда мы войдем туда, как побежденные, у нас нет никаких оснований верить в то, чтобы к нашему голосу хоть в какой-нибудь степени прислушивались.

Товарищи! Сейчас западно-европейская буржуазная — да и не только буржуазная — пресса полна всяких росказней о нас, полна обвинениями нас в неискренности, полна целым рядом аргументаций против нас, аргументаций таких, которые в общем столь же заслуживают внимания, как все те росказни о советском государстве, которыми была полна буржуазная русская белогвардейская пресса. Все по-старому повторяются росказни о том, что фактически за спиной ВЦСПС не стоит никакого профессионального движения, да и профсоюзов в СССР нет! Доходят даже до того, что утверждают, будто и рабочих в СССР нет! Приходится прямо удивляться: кто же тогда выгнал из Советской Республики буржуазию? (Голоса: «Сама себя выгнала»!. Смех) Рабочих там нет, а буржуазия отчего-то бежала... И профсоюзов-то никаких нет там... А, однако, главнейшим затруднением по пути сдачи в СССР концессий являются наши профессиональные союзы. Западно-европейские капиталисты нам не раз говорили: «При ваших профсоюзах опасно брать концессии». Если мы можем, когда угодно вывести за собой в любом городе все рабочие массы на улицу; если мы можем, — и это мы доказывали не раз, и докажем цифровыми данными, — в самые тяжелые моменты звать рабочих, и рабочие единодушно идут за нами, на чрезвычайные жертвы, лишения, денежные пожертвования и т. д.; если нас боятся западно-европейские капиталисты, — после этого говорить о том, какие есть профсоюзы в СССР, конечно, не стоит!

Выдвигаются два аргумента: русские союзы СССР ничего не могут дать международному движению, — стоит ли с ними считаться? При этом странно: когда в Амстердаме обсуждается вопрос об Италии, где 200.000 организованных рабочих с особенностями этой страны считаются; когда обсуждается вопрос о палестинском профессиональном движении, которое об'единяет 8 тысяч рабочих, — это заслуживает внимания М. Ф. П. С. А вот когда говорят об СССР, о его профсоюзах, об'единяющих 6.500.000 рабочих, да не просто рабочих, а тех рабочих, которые стоят у власти и держат эту власть в своих руках, о рабочих страны, которая охватывает одну шестую часть света, — те же люди говорят, что для международного рабочего движения союзы СССР ничего не могут дать. Либо эти люди ничего не понимают, либо не хотят понять...

Мы с вами говорим совершенно искренно. Товарищи, вы— тоже деятели профессионального, рабочего движения, за каждым из вас стаж на этом поприще не меньший, чем за каждым из нас. И вы знаете, что если бы мы хотели дипломатничать, хитрить, то мы могли бы, пожалуй, принять предложение Стенгуиса. Мы этого не сделали. Принять такое предложение — это значит играть в закрытую, играть в темную, поставить себя в опасность запутаться. Мы бы могли заявить, что мы входим принципиально, но не фактически,— мы могли бы это сделать, у нас на хитрость хватило бы соображения сказать, что мы принципиально согласны войти в Амстердам, но мы сделали бы целый ряд оговорок и потребовали бы на них ответа. Но мы на это не пошли. Мы имеем дело с миллионами рабочих, к нашему голосу прислушиваются десятки миллионов рабочих — это не преувеличение. Тут, товарищи, хитрить нельзя; хитрить можно с одним-двумя, но с массой хитрить нельзя, мы не хотим хитрить. Пускай хитрят против нас... Мы считаем, что тот, кто начинает массам говорить неправду, тот всегда запутается — без этого не обойдется.

Странно, что в то время, когда капиталистические государства, государства, где у власти стоят капиталисты, одно за другим признали против своей воли, скрепя сердце, советское государство, признали его и установили с ним дипломатические отношения, — странно и дико, что в то же время

рабочая организация, Амстердамский Интернационал, не хочет признать рабочую организацию, русские профессиональные союзы, не хочет с ними разговаривать, приводит детские, никуда не годные доводы: русские хотят войти для того, чтобы разложить Амстердамский Интернационал, для того, чтобы развратить западно-европейское рабочее движение... Кстати, даже ваши газеты, к стыду даже английской буржуазной прессы, повторяют эту самую детскую болтовню: бойтесь представителей русских профессиональных союзов, их задача — развратить рабочее движение и руководителей британского профессионального движения. Как-будто с одной стороны какие-то маленькие, чахленькие, недоношенные детишки, а с другой стороны — убеленные сединами, обремененные тяжким опытом, искушенные политики. По возрасту наших делегатов мы не можем похвастаться солидностью перед вами. (Смех). Опыт у нас небольшой — больший на вашей стороне. Если мы можем не «развратить», а повлиять, то тот, кто влияет, тот сам подвергается опасности испытать на себе влияние другого. Мы добиваемся встречи с Удегестом [1]), Жуо [2]), Зассенбахом [3]) и всеми руководителями Амстердамского Интернационала. Пожалуйста, влияйте на нас, сколько хотите! Что тут дурного? Разве рабочее движение должно застыть в консервативных рамках, разве нужно бояться каждого соприкосновения с опытом рабочего движения другой страны? Что же тут худого, если опыт одной страны будет отзываться на опыте другой страны? Из взаимного влияния и обмена опытом вырабатывается коллективный опыт международного рабочего движения. Мы ничего дурного тут не видим. Пожалуйста, мы согласны, пускай влияют на нас, мы не боимся чужого влияния, не боимся, что нас «развратят», собьют с нашего ортодоксального революционного пути. Если люди убеждены в том, что то, что они делают, то, за что они борются, есть истина, они не боятся

---

1) Секретарь Амстердамского Интернационала.

2) Ген. секретарь французской реформистской Конфедерации Труда и вице-предс. Амстердамского Интернационала.

3) Представитель германских профсоюзов в Амстердаме.

никаких чужих влияний. Если мы настолько сильны, как нас изображает буржуазная пресса, значит, за нами действительно есть сила, за нами — истина. Вы, товарищи, однако, не бойтесь, хотя буржуазная пресса выражает большие опасения за вас... (Смех). Она изображает дело так, что вот с одной стороны английские пай-мальчики, в чистеньких штанишках, свеженькие, вымытые, причесанные, а с другой стороны — приехали рыжие, грязные, страшные, лохматые, уличные мальчишки. (Смех). Я думаю, что во всех оценках одинаково буржуазная пресса ошибается. Странно такое упорство и такое нежелание встречи с нами со стороны Амстердама, смешны эти аргументы.

Если люди сомневаются в нашей искренности, то неужели мы такие наивные дети, что вот мы-то искренности Зассенбаха, Жуо и Удегеста поверим? Насколько мне известно, Удегест заявил на заседании Амстердамского Интернационала, что я отказался от какой-то полемики с ним. Когда я был на Гулльском конгрессе, то я, действительно, сказал там, что полемизировать с Удегестом, я считаю, на этом конгрессе не место. Я думаю, что вы целиком одобрили тогда мое заявление там, что странно было бы, если бы о Профинтерне и Амстердаме мы начали полемику с Удегестом на Гулльском конгрессе. Я, считаю неверным и второе дошедшее до меня заявление Удегеста о том, что он мне предлагал частное свидание, и я отказался. Я такого предложения не слышал и ни от кого не получал. Хотя, если бы это было так, я удивляюсь,—зачем бы Удегесту устраивать частное свидание? Что такое есть у нас с ним секретного, в чем заключается опасность нашей открытой встречи с Удегестом? Разве есть такие секреты у нас с ним, которые мы должны были б скрывать, утаивать и т. д.? Почему, если была мысль, которую он не высказал, о целесообразности такой встречи с глазу на глаз, — почему он отводит официальную встречу с нашими союзами СССР? Почему Удегесту не передать официального, открытого приглашения через Брамли, через любого товарища об этой самой встрече? И почему Удегест, если у него была такая мысль, не побоялся бы встретиться с глазу на глаз и быть «развращенным» и «обманутым», а когда встретился бы со мною в компании с Жуо, Зассенбахом и др., то боится, что мы их «развратим»? Я утверждаю, что оба эти заявления неверны, неправильны.

Чтобы покончить с этими росказнями, наша делегация считает необходимым указать на детские выпады, которые мы имели со стороны некоторых представителей Амстердама. Так, например, Удегест писал: «Действительно ли русские профессиональные союзы стоят за социальное законодательство»? Он сомневается, чтобы это было так. На это мы можем ответить только: пусть Удегест проведет в Голландии [1]) русский кодекс законов о труде, и за все, что он проведет свыше этого кодекса для рабочих, мы целиком голосуем и проведем у себя в СССР.

Второе — он сомневается, действительно ли русские профсоюзы стоят против войны? Мы предлагаем любой рабочей организации созвать капиталистов и предложить, чтобы пропорционально населению соответственно военная техника и численный состав войск были бы уменьшены. И мы утверждаем, что СССР будет первым в этом деле, и русские профсоюзы гарантируют это.

Третий вопрос, задаваемый Удегестом,—действительно ли русские союзы стоят на почве классовой борьбы с капиталом? Если то, что произошло в России в октябре 1917 года, называется альянсом с буржуазией [2]), то мы за такой альянс. Если то, что мы сделали со своей буржуазией, называется по-голландски [1]) альянсом, а не классовой борьбой, мы, профсоюзы СССР, за такой альянс.

Может ли резолюция Стенгуиса после всего этого вызвать у нас хоть какое-нибудь доверие? — Не может она его вызвать, особенно после ее толкования со стороны Жуо, Удегеста, Стенгуиса. От того толкования, которое эти, довольно солидную роль занимающие в международном профессиональном движении, лица дали этой резолюции, она не может вызывать никаких сомнений в ее подлинном смысле. Увертка от поставленного вопроса, желание запутать нас, ничего не дав со своей стороны и не проявив никакой доброй воли, — вот ее смысл. Мы знаем, что всегда, когда выносятся резолюции, там, где есть большинство и меньшинство, право на толкование резолюции всегда принадлежит большинству. Если 7 человек выносят резолюцию — 5 против 2-х, и в этой резо-

---

[1]) Удегест—голландец.

[2]) Альянс—союз.

люции будет какая-нибудь неясность, кто будет толковать, раз'яснять ее? — Большинство и только оно. Толкование резолюции, к сожалению, предоставлено не Брамли и не Перселлю, а Удегесту, как это ни печально, но это так. Правда, что у нас особое мнение, — мы должны откровенно сознаться в этом, — мы не считаем главными фигурами Удегеста, Стенгуиса и Жуо. Мы знаем, что фактически за ними стоит немецкий Генеральный Совет профсоюзов. Мы знаем, что за спиною Амстердамского Интернационала он рассылает свои циркуляры и директивы профсоюзам других стран. Мы знаем, что польские профсоюзы получили от немецкого об'единения профсоюзов предложение обсудить отчет о деятельности английской делегации (несчастная эта английская делегация!). Мы это знаем. Поскольку Стенгуис, Жуо и Удегест взяли на себя неблагодарную роль тех первых мальчиков в драке, на которых всегда попадают первые удары, нам приходится сосредоточивать их на них. Зассенбах и другие стоят немножко сзади и как бы в сторонке.

Что же делать? Мы вернулись к тому, с чего мы начали. Дальше продолжать этот «роман в письмах»? Мы знаем, что всякий сентиментальный хотя бы и «роман в письмах», как принято во всех мещанских романах, оканчивается браком. Но у нас брак не может состояться потому, что невеста не хочет видеть жениха. (Смех). С чего же начинать? Начинать с того, от чего мы пошли? Ругаться с Амстердамским Интернационалом? — Неправильно, это пройденная стадия, это не поможет, это только затормозит рабочее движение. Что же делать? Вот относительно этого мы и пришли посоветоваться к вам. Пришли, несмотря на все трудности и рогатки, которые нам ставило не только британское консервативное правительство, но и германское правительство, которое, в конце-концов, дало нам визу для встречи во Франкфурте-на-Одере и которое, когда мы переезжали границу, сосчитало, все ли мы тут, не остался ли кто-либо в Германии... Что же делать? Мы держимся такого мнения: повторять старый пройденный этап — очень трудная и неприятная штука. Мы, несмотря ни на что, хотим и будем продолжать начатое дело единства. Мы уверены, что только в вас мы можем найти поддержку, что единственный наш путь заключается в организации общественного рабочего мнения вокруг и для осуществления дела

единства. Мы видим, что сама идея создания англо-русского комитета встретила горячий отклик рабочих масс по всему миру. Во Франции идея англо-русского комитета настолько жива и горяча, что и профессиональные синдикаты, входящие в федерацию Жуо, и синдикаты, принадлежащие к Унитарной Федерации Труда Монмуссо [1]), и те и другие выносят резолюции почти одинакового характера за то, что они стоят на точке зрения, которая выражается английскими и русскими профсоюзами. Мы видим, что это вызвало отклик и в профсоюзах скандинавских стран, особенно в тех, которые не входят ни в тот, ни в другой Интернационал. Неужели же английские профсоюзы и русские профсоюзы, насчитывая в своих рядах около 13 миллионов рабочих, опираясь на общественное мнение рабочих других стран, не сумеют сдвинуть с мертвой точки консерватизм, косность и упрямство нескольких вождей? Мы в это не верим. Мы верим в то, что если мы с вами дружно и единодушно выступим перед рабочим миром, изложив то, чего мы хотим, если будем на этом стойко стоять, если еще и еще раз потребуем встречи между нами и Амстердамом без всяких предварительных условий, если за это дело действительно еще более энергично возьмутся английские тред-юнионы, — мы уверены, что это дело сдвинется с мертвой точки.

Мы обращаемся к вам и ждем от вас братского, искреннего ответа, хотя бы потому, что вы первые прорвали блокаду, которая окружила наше профессиональное движение, хотя бы потому, что вам одним из первых принадлежит инициатива постановки вопроса о единстве международного профдвижения, и потому, что наше общение с вами, несмотря на разность языков, научило нас взаимно понимать друг друга.

Я позволю себе закончить выражением уверенности в том, что мы на этот раз найдем общий язык, без всякой тайной боязни повлиять друг на друга. Если это будет разумное влияние, то кроме хорошего оно ничего нам не принесет. Мы уверены, что сплоченность в этом вопросе и твердая воля наша

---

[1]) Ген. секретарь французской Унитарной (революционной) Конфедерации Труда.

и ваша есть залог победы. Мы уверены в том, товарищи, что тот горячий привет, тот энтузиазм, с которым встречали представителей английских рабочих в России, и тот энтузиазм, с которым на каждом рабочем собрании одно упоминание об английских профсоюзах встречает отклик со стороны наших рабочих, свидетельствуют о том, что, выражая эти наши надежды, мы лишь правильно выражаем волю и настроение рабочих СССР. Мы выражаем уверенность в том, что вы останетесь и будете верны и тверды в том деле, которое мы вместе с вами начали и, мы уверены, будем вместе продолжать вести. Мы уверены, что это дело увенчается успехом, что мы сумеем найти общий язык, сумеем выработать деловые предложения, которые будут и должны иметь решающее значение и которые, наконец, сдвинут дело единства с мертвой точки! (Аплодисменты).

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Предисловие А. Андреева 3

Речи представителей Генерального Совета британских тред-юнионов и выступление М. П. Томского на обеде, данном Генеральным Советом в честь рабочей части русской делегации в Лондоне, 14 мая 1924 г. 9

Речь на III Конгрессе Профинтерна 28

Речь на Гулльском Конгрессе британских тред-юнионов 42

Речь на VI Съезде Профессиональных Союзов СССР 51

Доклад о положении международного рабочего движения на англо-русской конференции 6 апреля 1925 г. 58

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВЦСПС.

Имеются на складе:

1. **Бебель.** Шарль Фурье. 1923 г. стр. 194. . . . . 1 р. 50 к.
2. Вечера международного профдвижения. 1924 г. стр. 38 . . — „ 20 „
3. **Гальперин.** Профдвижение Франции. 1924 г. стр. 106 . . . — „ 55 „
4. Делегация британского Генерального Совета профсоюзов в СССР. 1925 г. стр. 226. . . . . 1 „ 75 „
5. Задачи профдвижения и VI всесоюзный с'езд 1925 г. стр. 221 2 „ 50 „
6. Итоги новой политики зарплаты. 1923 г. стр. 49. . . . . — „ 45 „
7. **Клейнборт.** История безработицы в России 1857 — 1919 г.г. 1925 г. стр. 300. . . . . 1 „ 45 „
8. **Козелев.** Индивидуальное взимание членских взносов. 1924 г. стр. 41. . . . . — „ 20 „
9. **Кол.** Системы зарплаты, изд. 2. 1925 г. стр. 201. . . . . 1 „ —
10. **Кол.** Введение в тред юнионизм. 1924 г. стр 176 . . . . — „ 90 „
11. **Критская.** Жизнь и быт рабочих Франции. 1924 г. стр. 96. — „ 70 „
12. **Лозовский.** Анархо-синдикализм и коммунизм, 2 изд. 1925 г, стр. 264. . . . . 1 „ 25 „
13. **Маркс.** Зарплата. 1924 г. стр. 48. . . . . — „ 25 „
14. **Маркс.** Гражданская война во Франции. 1924 г. стр. 62. . — „ 35 „
15. **Маркс.** Наемный труд. 1924 г. стр. 24. . . . . — „ 12 „
16. **Нестрипке.** Профдвижение, т. II. 1924 г. стр. 344. . . . 1 „ 50 „
17. **Нестрипке.** История и система профпропаганды. 1923 г. стр. 153. . . . . 1 „ —
18. **Панкратов.** История развития фабр.-заводских предприятий. 1924 г. стр. 99. . . . . — „ 20 „
19. **Розенфельд.** История профдвижения на Западе. 1925 г. стр. 211 . . . . . 1 „ 20 „
20. Руководство по делопроизводству. 1925 г. стр. 140 . . . . — „ 75 „
21. **Сарабьянов.** Энгельс. 1923 г. стр. 220 . . . . . — „ 60 „
22. Систематический указатель профлитературы, вып. I. 1923 г. стр. 64. . . . . — „ 40 „
23. Систематический указатель профлитературы, вып. II. 1924 г. стр. 181. . . . . — „ 60 „
24. **Томский.** К единству профдвижения. 1924 г. стр. 19. . . . — „ 14 „
25. **Чекин.** Вильям Аллен. 1924 г. стр. 73. . . . . — „ 25 „
26. **Чекин.** Профсоюзы СССР на Гулльском конгрессе. 1924 г. стр. 91. . . . . — „ 60 „
27. **Чекин.** Современная рабочая Англия. 1925 г. стр. 245 . . . 1 „ 50 „
28. Четвертая конференция профсоюзов. 1923 г. стр. 126 . . . 1 „ — „
29. **Фиммен.** Пролетарская и буржуазная Европа. 1924 г. стр. 134 — „ 70 „

30. **В. Николаев.** Беседы по кооперации . . . . . — р. 65 к.
31. **Н. Рогнеденский.** Учись писать в газету . . . . . — „ 20 „
32. Материалы по истории профессионального движения в России. Сборник № 3 . . . . . 2 „ 30 „
33. **А. Ельницкий.** История рабочего движения в России, 4-е изд. 1 „ 35 „
34. **Д. Антошкин.** Краткий очерк профессионального движения в России . . . . . — „ 70 „
35. **Б. Фрейдлин.** Союзы СССР в борьбе за единство . . . . . — „ 45 „
36. **А. Гуревич.** Азбука истории и политика зарплаты . . . . — „ 55 „
37. **А. Гуревич.** Ленин и профсоюзы, изд. 2-е . . . . . — „ 30 „
38. **Д-р Гельман.** Труд, утомление и отдых . . . . . — „ 20 „
39. Массовые профсоюзные экскурсии—прогулки . . . . . — „ 30 „
40. **Евреинов.** Как живет рабочий . . . . . 1 „ — „
41. **В. Акрамовская.** Зачем рабочему нужен профсоюз . . . . — „ 13 „
42. **П. Коваленко.** Капиталистическое общество . . . . . — „ 20 „
43. **А. Чекин (В. Яроцкий).** Введение в изучение профессионального движения . . . . . 1 „ 25 „
44. **А. Лозовский.** Москва или Амстердам? 2-е изд. . . . . 2 „ 50 „
45. **Я. Фин.** 20 лет российского профдвижения . . . . . — „ 30 „

Библиотека
Института В. И. Ленина